

ЛЮДМИЛА
ФЕДОРОВА

АЛЕКСАША

12+

Людмила Вячеславовна Федорова

Алексаша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67902237

SelfPub; 2022

Аннотация

В семье крепостного конюха Данилы рос в нищете пасынок Алексаша. И так как Данила ненавидел своего пасынка, бил и оставлял на него всю тяжёлую работу, Алексаша сбежал в поисках счастья. После долгих скитаний судьба сводит Алексашу с молодым царём Петром, у которого тоже нелёгкая жизнь и гонористый характер, и у Алексаши рождается авантюрный план. Но, наверняка, случится что-то удивительное и необычное, если в авантюры вмешается настоящая дружба, пусть даже такая странная, как дружба слуги и царя...

Людмила Федорова

Алексаша

...История о дружбе, любви, верности, авантюрах, ненависти, предубеждениях и человеке, который нашёл своё счастье, любовь и друга вопреки зависти и предрассудкам, доказав, что для настоящих друзей препятствий нет...

Настал вечер – время для сказа премудрого. Расскажу я повесть о царе великом, Петре первом, да о его помощнике верном Алексашке Меньшикове, да о том, как с другом, с душой родственной, всё проще ладится, да дела великие проще спорятся, да о том, что дружбу, любовь да верность честную никакими деньгами-то не купишь, саблями никакими не завоюешь...

Санькино детство

...Была зима. Боярин Ветров вышел на крыльцо своего терема, потряс длинной бородой, о чём-то задумавшись, и окрикнул ближайшего крепостного мальчишку. Мальчик подбежал, снял дырявую шапку и поклонился барину. Этим мальчиком оказался сын крепостного лесничего Лёшка Бровкин.

– Эй, Лёшка, иди к конюху моему Даниле Меньшикову и

скажи ему, что я требую долг за коня! И живее! – приказал Ветров ему. Озадачился Лёшка: где ему этого Меньшикова найти. Решил идти на конюшню. Пришёл Лёшка на конюшню и видит: двое крепких мужчин маленького худощавого мальчишку к стене прижали и говорят:

– Долг отца отдавай, а то побьём!

Лёшке стало жалко мальчонку, вот Алёшка и возмутился:

– Эй, как вам не стыдно к маленькому приставать!

Оба мужчины повернулись, один дал кулаком Лёшке, да так, что Лёшка с лестницы слетел. В это время хлопчик улизнул за угол. Потеряв добычу, мужчины ушли не солона хлебавши. Лёшка долго лежал. Вдруг над ним склонился тот самый мальчик.

Сам он был худенький, шупленький, рубаха и портки на нём были залатанные и грязные, тулупчик рваный. Волосы у него были длинные, грязные, спутанные, песочного цвета. А глаза были печальные, какие-то ледяные.

– Привет, я – Санька, спасибо тебе за то, что заступился за меня...

Тут завыл ветер.

– Холодно... давай ты ко мне зайдёшь погреться...

– С радостью! – отозвался замёрзший Лёшка.

И скоро ребята дошли до лачуги рядом с конюшней.

– Это мой дом, точнее, дом моего отчима, Данилы... – сказал Санька.

– Так ты – тот Меньшиков, которого я ищу? – удивился Лёшка.

– Да, а зачем ты меня искал?

– Да барин говорил, что твой отец должен ему за коня...

Санька явно расстроился и со вздохом пробормотал:

– Да, плохо наше дело, забудет меня хозяин за коня...

Тут в избу вошла девушка с двумя маленькими девочками.

– Привет, сестрёнки! – поприветствовал их Санька.

Малышки сразу обняли его, а старшая стала ворчать:

– Вот пришёл дармоед, мне Данилу с малыши кормить надо, а ты только рот лишний. Ещё дружка с собой привёл!

– Да он только погреться... – стал оправдываться Саша.

Вдруг в дверь постучали.

– Это Данила, прячь своего дружочка... – съехидничала старшая сестра.

Санька быстро открыл погреб и шепнул Лёшке:

– Лезь сюда...

– Это твои сёстры? – успел спросить Лёшка.

– Сводные. Старшая, тоже Санька, самая ворчливая, а малыши, Маша и Аня, меня жалеют... – ответил Алексаша.

– А Данила – отчим?

– Получается, так... – вздохнул Санька и закрыл люк, оставив щель.

В щель Алёшка видел, как в избу вошёл крепостной бородатый мужик, как девчонки сразу спрятались за печку, а

Санька дрожащими руками подал ему кашу. Данила (почему то Лёшка сразу понял, что этот мужик и был Данила) достал бутылку, выпил, съел кашу и бросил Саньке кусок хлеба. Санька посмотрел на Данилу взглядом, полным любви и благодарности.

«Видно, не очень любит Саньку Данила...» – подумал Лёшка с жалостью к Алексашке.

Видал Алёшка, как в окне показалась телега с богатым человеком, слышал, как он позвал:

– Алексаша!

Санька вылетел на улицу, бросился на шею этому человеку с воплем:

– Папа!

Слышал Лёшка и их разговор.

– Привет, Алексаша, вот тебе пирога и денег, а где мама?

– А маму барин в Сибирь сослал...

После этого богатый человек посмотрел скучающим взглядом и сказал:

– Ну, тогда я поеду...

– А разве ты не заберёшь меня?

– Ну, нет, у меня другая семья...

Телега тронулась, Алексаша с тоской посмотрел ей в след, доедая пирога. Вдруг во двор выскочил Данила и закричал:

– Отдавай деньги!

Алексаша дрожащими ручонками подал мешочек с день-

гами, Данила взял деньги, спрятал за пазуху, а потом схватил Саньку за шиворот, затащил домой и огрел несколько раз плетью. Алексаша запищал, вырвался, спрятался от пьяного Данилы в погребке и, посмотрев, что никто не видит, зарыдал. Лёшке стало ужасно жалко Алексашу, он подошёл к нему, положил руку на плечо и тихо сказал:

– Если хочешь кому-нибудь пожаловаться на жизнь, я готов тебя выслушать...

Санька перестал плакать, посмотрел, кто трогает его за плечо и простонал:

– А, это ты, Лёшка. Ты ещё не ушёл?

– Не ушёл и не уйду, пока не вытащу тебя из этого болота! Тебя здесь забьют! Тебе надо сбежать в город... – ответил Алёшка.

– Нет, один боюсь...

– А со мной? – неожиданно для себя предложил Лёшка.

– С тобой, пожалуй, убегу...

– Хорошо, этой ночью убежим...

– Решено! – подтвердил Алексаша, и ребята решили пережить день в погребке.

Вечером, когда все легли спать, ребята вылезли из погребка, пошли к Лёшину отцу леснику Ивашке, взяли у него краюху хлеба и благословение и отправились в Рязань.

...Холода стояли жуткие, выл ветер, а тулупчики на ребятах были рваные, вот Алексашка и говорит:

– Давай зайдём в лавку с одеждой и стащим по тулупчи-

ку...

Зашли мальчишки в лавку, надели новёхонькие тулупчики и направились к выходу, ... а тут их хозяин лавки поджидал. Благо, добрый человек попался, разрешил хлопцам тулупы взять, только отработать велел: разгрузить товар.

... Алёшка попрошайничал, а Алексашка больше с лотков воровал или в напёрсток народ дурил. А однажды народ догадался, что нечестно Санька в напёрсток играет, и побили сильно...

Приходит вечером Лёшка в шалаш, в котором они с Санькой жили, а Алексаши нет. Пошёл Алёша его искать. Долго искал, волноваться начал. Вдруг смотрит: кошки бездомные улеглись в одном месте. Разогнал их и видит: в канаве его Санька лежит побитый и без тулупа. А кошки-то его грели...

После этого случая заболел Алексашка серьёзно. Лежит в шалаше, головы не поднимает. Лёшка весь извёлся: как его на ноги поставить. С каждым днём угасал Алексаша...

... Печальный и тихий, как тень, бродил Алёшка по городу. Вдруг одна старая женщина окликнула его:

– Что случилось у тебя?

– У меня друг заболел...

Женщина вошла в дом и вынесла старую овчинную шубу и сказала:

– Вот, заверни своего друга в эту шубу и напои кипятком, он поправится...

Так Алёша и сделал. И, впрямь, лучше Саньке стало. А

однажды принёс Лёша хлеба, а Алексаша нос воротит.

– Надоело мне тебя кормить! – возмутился Лёшка, положил хлеб и вышел из шалаша. А как злость прошла у него, вошёл и смешную картину увидел: Алексаша тянет свою тоненькую гусиную шейку к хлебу. Обрадовался Лёшка несказанно, аж до слёз: значит, Санька будет жить...

Выздоровел Алексаша, снова на свой промысел вышел, по рынку ходил как-то вместе с Лёшкой и заметил слуг Ветрова. Испугался, за руку Лёшку схватил и побежал, что есть сил, только босые пятки засверкали. Добежали до проезжающей телеги, залез Алексаша на неё, а Лёшка никак догнать не может. Слез Алексашка, посадил Лёшку...

... Тут телега как дала ходу, Алексаша и свалился. Телега за угол повернула, только видел Алёша, как Алексашу слуги Ветрова утащили...

Грустно стало Алёшке, спрятал голову в ладони...

... Тяжела крепостная доля...

Вот настал вечер, пробрался Лёшка в избу Данилы, увидел Алексашу.

– Санька! – позвал его Лёшка, тронул за спину, а Алексаша как запищит. Оказывается, исполосовали розгами всю спину Алексаше за побег.

– Нет, не будет нам здесь житья, надо в Москву бежать!

– Беги, не беги – всё одно... – сначала ворчал Санька, но потом всё-таки согласился.

В Москве они присоединись к бродячему театру, хорошо

там им жилось, только недолго: уехал театральный балаганчик, а мальчишек не взяли.

Тогда присоединились Лёшка и Алексашка ещё к двум таким же скитальцам: Трофиму и Мишке Тартынову. Трофим, как и Алёша, попрошайничал, а вот Мишка особым «ремеслом» зарабатывал. Сначала об этом никто не знал, просто Мишка на ночь пропадал, а утром приходил с большой суммой денег и красиво одетый.

А когда Алексаша подрос в красивого, с греческими чертами лица, с длинными песочного цвета волосами, парня, от которого нельзя было глаз отвести, Мишка сказал ему:

– Хочешь, Санька, заработать, от барина откупиться, семье помочь? Я знаю, как на красоте твоей деньги сделать...

– Как? – удивился Алексаша.

– А так: иди к тому же человеку, у которого я работаю, скажи, что деньги нужны, он тебя с богатенькой старой барыней сведёт, ты её приласкаешь, в баньку с ней сходишь, ублажишь, она тебе денег заплатит...

– Что?! Да как тебе в твою дурную голову пришло такой позор мне предлагать! Не собираюсь я себя так бесчестить, у меня ещё достоинство есть! – возмущился до глубины души Алексаша.

– Как знаешь... – вздохнул Мишка.

После этого случая так обиделся Алексаша на Мишку, что

заявил Лёшке:

– Всё! Мы больше с этими ребятами не водимся!

Долго скитались Алёша и Алексаша по Москве, а потом устроились коробейниками: торговать пирожками.

Как-то торговал Алексаша пирожками на Красной площади и замер от того, что увидел: всю площадь заполнили стрельцы, тревожно бил набат. Стрельцы поднимали на копья бояр, одного столкнули с колокольни, врывались во дворец, неистово кричали:

– Не хотим, чтобы нами Нарышкины правили! Хотим Ивана первым царём, а Петра – только вторым, а регентом над ними царевну Софью!

На одном крыльце стояла пожилая женщина в царском вдовьем одеянии, а с ней – мальчик с перекошенным от испуга лицом. На другом крыльце стояла статная черноволосая женщина с соколом на плече и кричала:

– Давайте, меня на регентство кричите, за наградой не постою!

Мальчик вырвал руку и подбежал к забору. Алексаша тоже подошёл поближе. И тут их взгляды встретились...

... Прошло всего несколько секунд, но Алексаше показалось, будто прошла вечность, по телу пробежали мурашки: его заморозили, как угольки, чёрные, печальные, напуганные глаза этого мальчика...

...А мальчик стоял и не мог оторвать взгляда от голубых, как озёра, глубокомысленных глаз Алексаши, его мяг-

ких черт лица, от той тоски и грусти, которыми были наполнены глаза Саньки...

«Его взгляд так прожёт мою кровь, он больше из мыслей моих не уйдёт...» – подумали Алексаша и мальчик друг о друге.

...Тут пожилая женщина позвала мальчика в чёрную карету:

–Петруша, скорее!

Мальчик, словно очнулся, и побежал...

... А Алексаша ещё долго, как заколдованный, стоял на том же месте и о чём-то думал, когда подошёл Лёшка.

– Кто этот мальчик? – спросил Алексаша.

– Царь Пётр... – ответил Лёшка.

– Разве у царя могут быть такие печальные глаза? – удивился Алексаша.

– Ещё как могут, это нам только кажется, что у царей жизнь сладкая... – съязвил Алёша, а сам подумал: «Пётр – царь, а мой Алексашка – уличный мальчишка, наверное, им лучше не знать друг о друге...»

Детство Петра.

А теперь настало время узнать о другом главном герое этой книги – Петре. Он был младшим сыном царя Алексея Михайловича. В молодости Алексей Михайлович женился на красивой и родовитой, но больной женщине из рода Ми-

дославских. Она родила ему десять детей, но выжили только трое: больные Фёдор и Иван и единственная здоровая девочка в этой семье – старшая сестра царевна Софья. Когда Мария Милославская погибла, Алексей Михайлович женился снова: на молодой боярышне Наталье Нарышкиной. Наталья родила ему сына, которого нарекли Петром. Пётр родился богатырём, и рост, и вес его поражали родственников. Алексей Михайлович радовался этому ребёнку, как первенцу, велел палить из пушек и закатил пир. Дворцы из цукатов и пряники в виде двуглавого орла украшали стол. Только стар уже был Алесей Михайлович, пришёл его срок...

... Когда Петруше было четыре года, ушёл из жизни Алексей Михайлович, стала Наталья Кирилловна вдовой...

Следующего царя на миропомазание несли: ходить он не мог. Это был старший сын Алексея Михайловича Фёдор.

Сколько Фёдор правил, столько героически сражался со своей болезнью. У него было всё, для того, чтобы стать великим правителем...

...Всё, кроме здоровья...

Фёдор многое сделал для страны, но делал он всё судорожно быстро, словно чувствуя, что времени ему дано немного...

...Когда Фёдор скончался, Петру было десять лет...

Когда думали, кого на трон ставить, решили, что Иван тоже больной, лучше поставить юного Петра. Сказано – сдела-

но: миропомазали десятилетнего Петра на трон, а регентом по малолетству назначили мать его – Наталью Кирилловну. Все остались довольны этим решением, кроме царевны Софьи...

... Дело в том, что как-то в юности видела Софья спектакль о Византийской царевне Пульхерии, которая была правительницей – регентом при младшем больном брате. Смотрела Софья с жадностью на сцену во все глаза: видела она не Пульхерию, а себя, не брата её, а царевича Ивана. И горели глаза Софьи нехорошим огнём: огнём жажды власти. «Чем же я хуже Пульхерии? И волосы черны, и брови соболиные, и ростом удалась в отца, и увлечения по-настоящему царские: пиры, соколиные охоты, и образование царское получала и ум есть...» – размышляла Софка. И быть ей правительницей, если бы не Пётр, который, как кость в горле, мешал Софке.

И тут нашла Софка решение.

Созвала она стрельцов и сказала:

– Послужите мне, устройте бунт! Кричите Ивана – первым царём, а Петра – только вторым, а меня – регентом! За наградой не постою! Озолочу!

...А на завтра был стрелецкий бунт...

...Был набат, стрельцы оглушительно кричали то, что им велела Софья. Боярин Артамонов вышел и закричал:

– На кого руку поднимаете, холопы!

– А ты давно с колокольни летал?! – возмутились стрель-

цы и сбросили его с колокольни.

Потом подняли на копья брата Натальи Кирилловны...

... Всё это видел маленький Пётр...

... От испуга у него перекосилось лицо...

... Это уродство проявлялось у Петра позже в самые напряжённые моменты жизни...

... Три дня бушевали стрельцы в теремах, а на третий день миропомазали Ивана и всё окончилось...

... Софка вошла в залу широким шагом, как победительница, поднесла ножик к Петру, не без наслаждения наблюдая, как задрожала Наталья Кирилловна...

... Но потом она приняла более гуманное решение: сослать Петра с матерью и учителем дьяком Зотовым в Преображенскую крепость...

Там и вырос Петя. Зотов учил Петра грамоте, часослову, псалтырю, счёту. Всё усваивал Петя быстро и легко, как будто играючи.

Там же Пётр встретил нового друга – немца Лефорта. А было дело так: Лефорт управлял строительством этой крепости, глянул он на своё строение и спросил у Софьи:

– Для кого же, Ваше Высочество, я строю эту тюрьму?

– Для царя Петра и царицы Натальи Кирилловны... – ответили ему.

Стало любопытно Лефорту, он пришёл в тот день, когда Петра привезли в крепость. Долго о чём-то они говорили, а

потом Лефорт встал на колени, поцеловал шпагу и сказал:
– Я – ваш верный слуга! Вы будете великим царём, Ваше Величество!

У Лефорта не было своих детей, и он решил воспитать из Петра достойного царя и человека...

...Лефорт брал Петра в Немецкую слободу, Кукуево, там Пётр выучил пять языков и шестнадцать ремёсел. Больше всего Петру нравились кораблестроение и игры с потешными полками. Вся Москва смеялась, когда Пётр шёл впереди и ловко барабанил, а за ним шло два полка таких же ребят, как сам юный царь, в такой же зелёной форме...

Названный брат Петра

Помнишь, была ранняя весна,
Когда нас свела судьба?
Я замёрз и был хрупок,
Ты надел на меня свой полушубок...
И строил я авантюрный план,
И думал, что не долог будет обман...
Но планы рухнули все разом,
Когда ты посмотрел на меня ласковым взглядом.
За это время я к тебе привык
И по-братски тебя полюбил,
Я до тебя лишь униженья знал,
А душевно без ласки голодал...

А теперь моя голодная душа
Твоим вниманием насытится не могла...
Буду всегда с тобой рядом,
Буду тебе названным братом...
Дружбу братской клятвой скрепили
И небо за счастье благодарили...
Твой крестик на моей груди висит,
А сердце лишь за тебя болит...
Мы – настоящие друзья,
И доверяем друг другу не зря.
И пусть странным кажется всем вокруг,
Что царь слуге стал верный друг...

Тем временем Алексаша и Лёша жили хорошо, поправились на пирожках, округлились. К великому сожалению, хозяин пекарни это тоже заметил и выгнал в шею Алексашу и Лёшку, несмотря на их неисполняемые обещания больше пирожки не таскать, и добавил:

– Не верю я вашим хитрым рожицам! Чтобы я вас тут больше не видел!

Пришлось Алексаше заняться старым промыслом: воровством с лотков.

Вот бродил Алексаша по рынку, заметил, что мясник с покупательницей торгуется, стащил связку сосисок, обмотал вокруг шеи и побежал во всю прыть...

... А тем временем из Преображенской крепости сбежал от мамок-нянек Пётр и тоже несётся во всю прыть, так, что бедные мамки-няньки, пытаясь его догнать, чуть не упали...

...Погоня давно отстала, а наши герои всё бегут...

... Вот выбежали оба на одну дорогу...

...Вот приблизились...

...И стукнулись лбами!

– Эй, смотри, куда бежишь! – Прикрикнул Пётр.

– Сам смотри! – Возмутился Алексаша.

Сели оба рядышком, лбы потёрли и... взглядами встретились...

...Снова у Алексаши ощущение, будто ему взглядом сердце прожгли, снова мурашки по коже...

«Где же этого молодого человека видел?..» – задумался Алексаша, а вспомнить не может...

... Смотрит Алексаша – перед ним парень молодой в дорогом одеянии, высокий, широкоплечий, черноволосый, чернобровый, с усиками-стрелочками...

...Только от чего глаза, как уголёчки, чёрные такие знакомые?...

...Смотрит Пётр на Алексашу – перед ним паренёк худенький, мелкий, изящный, красивый, с голубыми глазами, с длинными, густыми волосами песочного цвета. Одет, правда, бедно, рубаха и портки залатанные...

...Только от чего грустинка в этих глазах такая знако-

мая?..

Тут Петра осенило:

– Так ты – коробейник с Красной площади!

– А ты, значит, – царь Пётр? – вспомнил Алексаша.

– Да...

– А как же ты тут оказался? – удивился Санька.

– Это долгая история, всё из-за моей сводной сестры Софки. А тебя как сюда занесло? – спросил Пётр.

– А я от мясника бегу... – признался Алексаша.

– Так ты что, украл эти сосиски?!

– А ты думал, что купил? – посмеялся над изумлённым выражением лица Петра Санька.

– А как тебя зовут?

– Алексаша...

– А где же ты живёшь? – поинтересовался Пётр.

– В шалаше...

– Даже зимой? – поразился Пётр.

– Даже зимой... – подтвердил Санька.

Пётр задумался, как помочь Алексаше, сказал:

– Пожалуй, я мог бы взять тебя в Преображенское на какую-нибудь не высокую должность. Ты согласен?

У Алексаши загорелись глаза:

– Конечно, согласен! Только я не один, я с другом...

– Хорошо, и друга твоего пристроим, будет служить в потешных войсках у меня... – произнес Пётр.

«Вот хорошо: и накормят, и крыша над головой. Буду поддакивать Петру, авось зиму в тепле переживу...» – думал Алексаша, довольный своим авантюрным планом и удачной встречей.

Лёшку определили в казарму потешных полков, переодели в форму, накормили.

– Теперь надо заняться тобой. Будешь моим денщиком... – сказал Алексаше Пётр.

Пётр привёл Алексашу в терем в Преображенской крепости и велел слугам отмыть и переодеть Алексашу, а сам сел в зале за накрытым к ужину на двоих столом. Прошло полчаса, вышел Алексаша...

...И Пётр встал с открытым ртом от изумления: более прекрасного юношу ему не приходилось встречать...

...Локоны пшеничного цвета спускались по его хрупким плечам, кожа была белоснежной, на щеках выступал лёгкий румянец, светились большие лазоревые, как небо, глаза, скуластое лицо с мягкими чертами лица украшалось скромной улыбкой.

– Что-то не так? – смущённо спросил Алексаша, заметив удивлённый пристальный взгляд Петра.

– Я не знал, что ты такой красивый... – ответил Пётр.

... От смущения Алексаша опустил взгляд...

– Ну, давай ужинать! – с улыбкой пригласил Пётр нового друга за стол. Алексаша строго помнил, что после голода на-

едаться нельзя, но всё было таким вкусным...

...В, общем, Санька почувствовал, что объелся...

– Теперь пошли спать... – зевая, сказал Пётр.

Они вошли в горницу, Алексаша увидел, что кровать только одна, снял с вешалки тулуп и хотел лечь на пол. Пётр это заметил и недовольно сказал:

– Э, это не дело! Ты же не собачка, чтобы на полу спать! Сейчас же велю Зотову вторую кровать в нашу комнату поставить!

Алексашу тронули эти слова: раньше с ним обращались, действительно, как с собачкой, а Пётр показал, что относиться к нему, как к равному, Алексаша оценил это...

– Эй, Зотов! Поставь в мою комнату вторую кровать... – сказал Пётр Зотову.

Зотов суетливо исполнил это, с недовольством поглядывая на Алексашу.

– Не товарищ он вам, ваше Величество... – шепнул Никита Зотов Петру.

– Я сам буду решать, кто мне товарищ! – нахмутив густые чёрные брови и, раздув ноздри, ответил Пётр.

«А Пётр с характером!» – удивился Алексаша.

Алексаша лёг на свою новую кровать, и чувство блаженства пронизало его: он впервые спал не на скамейке, не на соломе, а на настоящей кровати...

Правда, чувство блаженства продлилось недолго: у Алексаша заболел живот от объедения.

Алексаша свернулся клубком на кровати.

– Да ты, никак, объелся! – с подтрунивающей улыбкой заметил Пётр.

– Конечно, я на улице голодом жил, а у вас тут столько еды... – пожаловался Алексаша.

– Ничего, я пойду к маме, она заварит ромашку. Выпьешь – сразу станет легче...

– Не надо беспокоить Наталью Кирилловну из-за меня! – заволновался Санька.

– Лежи и не дёргайся! – посмеялся над ним Пётр и принёс отвар ромашки.

Алексаша выпил отвар мелкими глоточками и ему, правда, стало легче.

Пётр лёг в свою кровать, они взялись с Алексашей за руки и по-братски посмотрели друг на друга...

... «Несмотря на сложный характер, Пётр очень хороший друг...» – подумал Алексаша.

– Давай поболтаем... – шёпотом сказал Пётр.

– Давай... – согласился Алексаша.

– Мне никогда не везло: отца не стало, когда мне было четыре года, стал править мой старший сводный брат, Фёдор. Он был добрый, и Ивана, и меня любил, вот только долго не прожил. Потом миропомазали меня, потому что брат Иван – больной, а моя сводная сестра Софка сама захотела править, это могло быть только, если не я стану царём, а Иван, вот она и устроила бунт со своими стрельцами, ... очень страшно

было. Вот нас с матушкой сюда и сослали... – доверительно рассказал Пётр.

– А, думаешь, у меня жизнь до тебя лучше была? Отец родной не захотел брать к себе, мать в Сибирь сослали, отчим и хозяин били, сводная сёстра на порог не пускала, лишним ртом называла, вот и искал я с другом лучшей доли...

– Да, тебе тяжелей пришлось... – посочувствовал Пётр.

... Так дружно, держась за руки, они и уснули...

... А на утро для Алексаши началась новая жизнь.

В первую очередь Пётр съездил к Ветрову и выкупил семью Алексаши и Лёшки.

Потом Пётр написал вольные Алексаше, Лёшке и их семьям.

– Мы теперь свободные люди! Ура! – обнимались от радости Алёша и Санька.

Затем Пётр взял Алексашу и Лёшку и повёл их в Кукуево. Сначала Пётр показывал своим новым друзьям разные ремёсла, удивительные вещи, разговаривал на разных языках. Потом сказал:

– А сейчас я вас познакомлю с моим учителем Лефортом...

Они сели в лодку и приплыли к усадьбе Лефорта. Тут вышел сам Лефорт и спросил у Петра, не заметив за ним его попутчиков:

– Герр Петер, вы одни?

– Не совсем... – ответил Пётр, и из-за петровской широ-

кой спины выглянул Алексаша.

Лефорт удивился и спросил:

– Вас двое?

– Не совсем... – снова последовал ответ, и выглянул Лёшка.

Лефарту чуть не стало плохо, но он, не подав виду, сказал:

– Пойдёмте, мальчики...

– Я бы мог пригласить вас в таверну к моему другу Монсу, там вы сможете отдохнуть после насыщенного дня... – предложил Лефорт, и ребята с радостью согласились.

Скоро ребята и Лефорт были в таверне Монса. Хозяин таверны, Карл Монс, был очень рад высокопоставленному гостю и развлекал их, как мог.

– А правду Лефорт сказал, что у тебя есть какая-то особенная музыкальная шкатулка? – спросил Пётр.

– Конечно. Хотите посмотреть, Ваше Величество? Я велю дочке принести шкатулку... – с акцентом ответил Монс, поднялся на второй этаж и сказал своей дочери:

– Анна, принеси гостям музыкальную шкатулку...

...Со второго этажа по лестнице спустилась кукольно красивая, очаровательная, изящная, белокурая, сероглазая девушка в бежевом платье с кружевами и глубоким декольте. В руках она несла шкатулку...

...Пётр как увидел её, так забыл про шкатулку, так ему понравилась эта девушка.

– Это дочь Монса, Анна, её называют Кукуйской нимфой... – сказал Лефорт.

Анна подседа к гостям и завела ключиком шкатулку. Полилась дивная музыка, шкатулка открылась, и в ней закружились фарфоровые фигурки влюбленных.

– Дай шкатулку мне, я хочу посмотреть, как она устроена... – сказал Пётр.

– Ваше Величество, я тоже умею петь и танцевать, но если вы захотите узнать, как я устроена, моё сердце будет разбито... – кокетливо опустив ресницы и поправив платье, ответила Анна.

Сегодня в таверне Монса было много гостей: все хотели посмотреть на юного царя. Барышни перешёптывались:

– Какого красивого юношу привёл с собой Герр Петер!

Лёшка сразу ушёл, сказав, что это развлечение не по нему, Алексаша стусевался, но выпив пару кружек пива, уже чувствовал себя лучше. Зато Пётр, выпив, танцевал весь вечер с Анной Монс. Та была довольна, кокетничала с Петром, стреляла глазками, звонко, как хрустальный колокольчик, смеялась над его шутками. Пётр смотрел округлёнными глазами на Анну и не мог налюбоваться ей, чем-то она зацепила его. И чем больше смотрел на неё Пётр, тем больше влюблялся в Анну, сам того не замечая.

А потом они сбежали в сад, и Алексаша, и Карл Монс видели в окно, как Пётр неуклюже и грубовато обнял Анну и

поцеловал.

«Пропал мой Петька...» – подумал с грустью Алексаша (мысленно Санька уже звал Петра своим, хотя совсем необоснованно).

Зато Карл Монс был доволен: сам царь обратил внимание на его дочь.

Тем временем, пока Алексаша грустил, он услышал сзади женский голос:

– Паренёк, чего грустишь, меня Бертой зовут, давай потанцуем!

Алексаша повернулся и как только увидел её, сразу испуганно протараторил:

– Я не умею танцевать!..

– Научу! – весело сказала очень крупная барышня Берта и вытянула нашего мелкого Алексашу танцевать...

...Возвращались два друга поздно ночью, пошучивая друг над другом.

– Тебе что, Монсиха понравилась? – спросил Алексаша.

– Да, у неё такие глаза!.. – отвечал Пётр.

– Видел я, куда ты смотрел, явно не на глаза! – смеялся Алексаша.

– Зато я знаю, почему ты понравился Берте! – заявил Пётр.

– Почему?

– У неё к тебе материнский инстинкт! – засмеялся Пётр.

– Всё, я обиделся! – сказал Алексаша и развернулся.

– Кончай с гонором... – пробормотал Пётр, подхватил Алексашу, перебросил через плечо и таким образом донёс бунтующего Алексашу до самой комнаты...

... А на следующий день Пётр устроил смотр потешных полков. Алексаша заметил, что они не знают, где право, а где лево.

– Что ж сделаешь, если они из деревни, не различают правую и левую стороны... – пожаловался Пётр.

– Значит из деревни, говоришь?.. – задумался Алексаша и подал отличную идею: привязать к правой ноге сено, а к левой – солому, чтобы научить сторонам потешные полки...

– Сено! Солома! – командовал довольный Пётр и нахваливал смекалку Алексаши.

– Можно, я буду звать тебя Mine heart? – спросил вдруг Алексаша.

– Можно, мне даже это будет приятно. А тебя можно буду звать little brave? – ответил Пётр.

– Хорошо... – сказал Алексаша...

... А ветер развивал их волосы, они стояли на обрыве рядом и смотрели вдаль, Пётр рассказывал Алексаше о своих мечтах...

...Какая-то невидимая духовная нить связывала их с этого момента...

...Прошло два месяца, и Алексаша удивлялся, как можно было строить авантюрные планы против такого человека,

как Пётр. Алексаша уже мысленно считал его братом и не представлял мира без Петра. Больше всего Алексаша боялся, что всё кончится и Пётр выгонит его.

Лёшка приходил к Алексаше каждый день и видел к своим сомнениям, как расцветал его Санька, слушал его рассказы об их затеях с Петром и качал головой, не верил Лёшка, что где служба, может быть и дружба...

...Но случилось то, что доказало надёжность Петра: Алексаша заболел. Алексаша лежал в бреду, а Пётр поил его с ложечки, не отходил целыми ночами, приглашал различных докторов, выгонял с грандиозными скандалами тех докторов, от лечения которых Алексаше не становилось легче.

– Нельзя так, Герр Петер, вы слишком волнуетесь... – ругал Петра Лефорт.

Но вот Алексаша поправился, и не осталось сомнений: Пётр – настоящий друг. У них даже была своя любимая песня:

Чтоб не случилось вдруг,
Знай, я – твой самый надёжный друг!
Счастье или беда,
Буду рядом с тобой всегда,
Всё, что хочешь, мне доверь,
Как хочешь, меня проверь,
Главное, мне поверь
И не закрой к своему сердцу дверь.
Буду ждать верно-верно,

Если надо, всю жизнь, наверно,
Через любые бурьяны с тобой пройду,
Потому что ты мой лучший друг!

(Алексаша и Пётр первый)

Тем временем втайне от Натальи Кирилловны развивались отношения Петра и Анны Монс. Пётр попросил принести Алексашу письмо от Анны. Когда Алексаша принёс письмо, Пётр заметил, что печать сломана, раздул ноздри, сдвинул брови и гневно спросил:

– Ну, и что мне с тобой делать?

На что Алексаша закатил глаза и с ребячливым озорством ответил:

– Любить, доверять и никогда не обижать...

Пётр засмеялся:

– Не могу я сердиться на тебя, а ты этим пользуешься!

(Алексаша принёс распечатанное письмо)

Днём они занимались ремёслами, изучали иностранные языки, Лефорт учил ребят разным наукам, а вечером Алексаша и Пётр ходили в таверну к Монсу. Пётр дарил Анне дорогие подарки и танцевал только с ней. А ещё ребята вместе созорничали: посадили пьяного Зотова на повозку, запряжённую свиньями. Всем было очень смешно, но Лефорт строго выговорил ребятам:

– Нельзя так издеваться над старым человеком, вы посту-

пили нехорошо!

– А он пусть не напивается, как свинья, мы лишь хотели показать, как некрасив пьяный человек... – оправдывались ребята.

– Всё равно так нельзя! – заругался Лефорт.

Возвращались ребята домой поздно вечером.

«Женить надо Петрушу, чтобы остепенился...» – подумала Наталья Кирилловна. Была и другая причина ранней женитьбы Петра: Софья женила Ивана, теперь, чтобы встать на трон, Петру надо было раньше Ивана занять наследника. Да и в борьбе с Софьей поддержка бояр нужна.

– Сядь, Петруша, я поговорить с тобой хочу... – однажды сказала Наталья Кирилловна Петру.

Пётр сел рядом с матерью.

– Женить я тебя хочу. Я уже и невесту выбрала, хорошую, из рода Лопухиных...

Пётр от возмущения встал, взглянул гневно на мать, но потом успокоился и сказал:

– Матушка, зачем так рано?

– Нужно, сыночек...

– Ну, хорошо... – согласился нехотя Пётр.

Правда, в день свадьбы, когда Алексаша наряжал Петра, тот вдруг резко встал и сказал:

– Санька, вели подать коня! Я уезжаю!

Алексаша сразу понял, в чём дело и ответил:

– Нет, Mine heart, не смей сейчас о Монсихе думать...

Со злости Пётр рванул Алексашу за кафтан, но потом успокоился и пошёл к гостям...

...А Алексаша затаил обиду...

«Не пойду на свадьбу!» – подумал Санька и заперся в их с Петром комнате. И вдруг Алексаша увидел, что Наталья Кирилловна не взяла икону для благословения. Забыв все обиды, Санька взял икону и пошёл в церковь, где шло венчание Петра и Евдокии Лопухиной.

...А Пётр искал Алексашу взглядом и сильно жалел, что так обидел друга. Не передать радость Петра, когда он увидел Алексашу в церкви. После венчания Алексаша первый подошёл поздравить Петра.

– Прости меня, друг! Ты больше на меня не сердись? – спросил Пётр.

– Конечно, нет, Mine heart! – ответил с улыбкой Алексаша, и они обнялись с Петром.

А тем временем Софка довольная, что сослала Петра, правила себе в удовольствие: что ни день, то соколиные охоты, пиры в гранатовидной палате, любовь рынд ...

...Только вот, что случилось однажды на пиру: прибыл поступить на службу к царевне Софье молодой боярин Василий Голицын, увидел Софью, влюбился с первого взгляда в статную черноволосую царевну, кинулся к её ногам и сказал:

– Хочешь – казни меня, хочешь – милуй, а знай, что нет тебя краше, и что люблю я тебя больше жизни!

Ухмыльнулась царица Софья: именно такой слуга ей нужен был...

А у Голицына сердце не спокойно: решил он пользу государству принести, своей «Софьюшке» угодить, новые проекты о медицине доступной для всех, об отмене крепостного права представил, а она у виска покрутила да посмеялась:

– Здоров ли ты, милый?

Предложил тогда он замуж Софке, а она тянет его в свои покои и говорит:

– Нам и так хорошо...

– Что-то у меня голова разболелась... – недовольно ответил Василий и оттолкнул Софью, расстроился сильно...

Так гуляла, пила и веселилась Софка, пока не узнала, что Пётр женится.

«Неужели этот волчонок вырос до женитьбы?» – удивилась Софка и поехала с Голицыным и со слугами в Преображенскую крепость, там ей на время её приезда выделили свои покои, вечером должен быть пир.

У Софьи шок был, когда она Петра увидела: волчонок-то вырос с коломенскую версту! Сам Пётр сильный, высокий, взгляд соколиный и, главное, Софки совсем не боится! А как Софья полки потешные увидела, так её чуть удар не хватил: какие же они потешные, если оружие у них настоящее! Топнула ногой Софка, накричала на Василия Голицына:

– Что ж мне не доложили, что Пётр вырос, что полки у

него не хуже моих стрельцов?!

А потом Софья увидела в свите Петра Алексашу, загорелись её глаза, приказала она служанке:

– Позови в мои покои этого юношу!

А сама пошла в свои временные покои: выбирать самый красивый наряд.

– Вам приказано пройти к царевне Софье Алексеевне... – сообщила служанка Алексаше. Алексаша струсил, конечно, но пошёл.

– Здравствуй, садись, не смотри, что я царевна, я тебя не как слугу позвала... – поприветствовала его Софка.

Алексаше ещё хуже стало, но сел.

– Как зовут тебя?

– Алексаша Меньшиков... – робко ответил Алексаша.

– Саша, я хотела бы тебе предложить служить у меня рындой,... Ну, ты понимаешь... – сказала Софка и положила руку на колено Алексаша.

Алексаша как понял, для чего она его зовёт, так убрал её руку с колена, вскочил и убежал на всех парусах из её покоев, прибежал к Петру и говорит:

– Пока эта жаба не уедет, я с тобой буду!

– Что случилось? – удивился Пётр.

– Софка предлагала мне быть рындой... – пожаловался Алексаша.

– А ты хоть догадался, что не рындой, а... сам знаешь, кем тебя Софка звала?

– Вот именно, что догадался! От того и испугался! – протараторил напуганный Алексаша.

Долго же Пётр смеялся:

– Ну, ты, Little brave, смешной: бабы испугался!

– Это не баба, а жаба! – ворчал Алексаша.

Как увидел это Голицын, расстроился до слёз, разбила Софья ему сердце в дребезги, склонил в печали голову, подумал, погоревал и ушёл в монастырь.

«Как бы мне Петра очернить?..» – думала Софка и вдруг вспомнила, что сегодня вечером должен быть пир. Решила подсадить своего боярина к Петру, чтобы тот подливал Петру водки, Пётр напьётся – обязательно вытворит что-нибудь...

И вот сидят все, пируют...

...Видит Алексаша, что пока Пётр с матерью говорит, ему в кубок с медовухой подливают водку...

...Один раз, второй, третий, ... десятый...

– Да сколько можно! – возмутился Алексаша, перевернул кубок и увёл Петра в их опочивальню.

Там Алексаша снял с Петра сапоги, уложил на кровать...

... Ночью Петру было плохо, Алексаша, ухаживая за ним, всю ночь не спал...

... Утром Петру стало лучше, он спросил:

– Я же, вроде, только медовуху пил, от чего мне так плохо было?

– Тебе подливали водку, пока ты не видел... – ответил

Алексаша.

– А кто меня сюда привёл?

– Я...

– И ты всю ночь не спал?

– Конечно, mine heart...

Пётр поблагодарил Алексашу, велел Зотову написать приказ о назначении Алексаши царским адъютантом, а днём через несколько дней Алексаша нашёл на своём письменном столе записку, написанную симпатическими чернилами с подписью «Моему little brave».

Алексаша поднёс к камину записку и прочитал:

« Little brave, я давно привязался к тебе больше, чем к родным брату и сестре. Если ты так же дорожишь мной, как я тобой и готов разделить со мною мои великие свершения, то хочу, чтобы ты стал мне названным братом...

Надеюсь на твоё согласие...

(Надеюсь) твой будущий older brave Peter...»

Алексаша и обрадовался, и смутился: для Алексаши Пётр был лучший друг, с которым он мечтал пройти огонь, и воду, и медные трубы. Но Пётр скоро станет царём и, вполне возможно, Пётр не захочет приводить во дворец такого безродного друга, а уж тем более названного брата, и отправит Алексашу на скотный двор с разбитым сердцем...

... Все свои сомнения Алексаша изложил в письме Петру: «Mine heart, я получил твоё письмо и пишу ответ...

Я, конечно, несмотря на наши дружеские близкие отно-

шения, зело был озадачен...

Ты должен понять мои сомнения: скоро ты станешь царём, у тебя будут другие фавориты, более грамотные, успешные, богатые и угодливые, чем я...

Я очень тобой дорожу, дорожу не местом, что ты мне дал, а твоей добротой, лаской, твоим счастьем, хочу помогать в твоих великих свершениях...

Я помню, как во время отдыха у камина мы сидели вдвоём, ты сжал мою руку в кулачок и поразился, что, оказывается, у человека такое маленькое сердце, а я вложил кулачок в твои сильные руки и сказал, что дарю моё сердце, и ты обещал беречь нашу дружбу и вверенное тебе сердце...

Ты не забудешь обещание? Ты предлагаешь мне стать названными братьями...

Не пожалеешь ли ты об этом шаге? Не обманешь ты меня? Было бы жестоко забрать меня с улицы, научить нормальным отношениям и дружбе, дать надежду, сделав названным братом, а потом отправить на скотный двор, вернув обратно мой подарок, сердце, разбитым и униженным. Но...

Я почему-то верю тебе...

Я хочу быть твоим другом и помощником и поэтому, несмотря на все сомнения, я даю согласие...

Я надеюсь на твою совесть...

Ну, в общем, это да...

You little brave Aleksasha..."

... А позже Пётр читал то письмо и целовал бумагу, на

которой были написаны те дорогие для Петра слова.

Тут вошёл и присел к Петру Алексаша...

– Эх, мой братик, ты ещё смеешь сомневаться во мне, я ведь тебя, как младшего братика люблю... – ласково посмотрев на Алексашу, с нежным упрёком сказал Пётр.

Алексаша улыбнулся: осталось только получить благословение Натальи Кирилловны и поменяться крестиками, тогда их с Петром уже ничто не разлучит...

Они пошли к маме Петра, та сняла крестик с Петра, одела на тонкую шею Алексаши, сняла крестик с Алексаши и одела на Петра, перекрестила обоих, и по русскому обычаю, Пётр и Алексаша отныне считались братьями...

... Они надели свои лучшие наряды, и пошли поделиться со всеми своей радостью. В первую очередь они пошли к Лёшке Бровкину. Когда Алёша узнал об том, то был на седьмом небе от счастья за Алексашу. Потом они сели в лодку и поплыли в Кукуево, к Лефорту.

– Какой же ты красивый сейчас! Я мечтаю, чтобы твои глаза всегда были такими же счастливыми...

Лефорт был удивлён такому обычаю, но когда ему объяснили смысл того действия, то тоже поздравил их и заказал портрет Алексаши и Петра. Они очень хорошо вышли на портрете: самым прекрасным в том рисунке были их улыбки и сияющие от счастья глаза...

А потом они направились в таверну к Монсу, там тоже

были поздравления и, что самое дорогое для Петра, их поздравила Анна. В честь них был организован целый приём. Ребята веселились, забыв о времени, до полуночи...

... Оба сияли, как начищенные самовары, это был их самый счастливый день...

... А потом было лето, Пётр загорелся мечтой построить свой корабль и они с Алексашей (к великому неудовольствию жены Петра) уехали на Плещеево озеро.

... Пётр и Алексаша бежали по воде, Алексаша крикнул: – Классно! Здесь можно точно корабль построить!

Пётр засмеялся и покатил Алексашу.

Так там в маленькой комнате с двумя кроватями и двумя сундучками для вещей, жили в Переяславле – Залесском возле Плещеева озера Пётр и Алексаша. Днём они строили ботик, Пётр всех торопил и очень радовался успехам в строительстве.

А вечером ребята рыбачили.

... Лежат Пётр с Алексашей в лодке, сложат друг на друга руки и ленятся пошевелиться...

А как наловят рыбы – ряпушки, отдадут кухарке, та пожарит рыбу, ребята идут ужинать...

И пристрастился Пётр за ужином хреновину пить: возьмёт большую бутылку и не встанет из-за стола, пока не выпьет. А как выпьет, так напьётся, что идти не может.

Приходится Алексаше тащить в спальню Пера на себе. Вот тащит Петра Алексаша и ворчит:

– Вот не возился я с тобой, если ты не был бы мне названным братом!

И так каждый день. Один раз надоело Алексаше, он взял, перевернул бутылку и выпил всё до дна!

От шока Пётр протрезвел:

– Алексаша, тебе же плохо будет!

– Пусть мне будет плохо, но я тебя отучу под столом валяться! – ответил Алексаша.

Ночью, действительно, Алексаше было плохо, зато на следующий день Пётр сидел за ужином без хреновины и с кислым видом ковырял в тарелке. А вот Алексаша был доволен...

... К концу лета сбылась мечта Петра: они с Алексашей в первый раз выплыли в ботике на воду...

... «Твой Петруша, в работе пребывающий» – подписал письмо матери Пётр.

За лето у Петра и Алексаша были намозолены руки от работы над ботиком, но они работали вместе, и от этого их счастье было без меры...

... Но лето и осень прошли, пришлось возвращаться домой, в Преображенскую крепость...

Зотов вошёл в комнату, зажёл свечу, взял документы и

стал читать: «Выделить на обмундирование потешных полков 100 золотых» «Многовато его Величество на потехи-то свои выделяет, да спорить с ним худо...» – поворчал Зотов, но деньги начальнику потешных войск дал. « Пётр, беспокойная душа, в крепости не сидит, то на Кукуево, к немцам, то к мастеровым убегает! По иноземному править хочет! Уж мать, Наталья Кирилловна, его и уговаривала, уж и женила его, прекрасная девушка, из рода бояр Лопухиных, , а у него ветер и корабли в голове!» – причитал Зотов, затапливая печь. Вдруг на крыльце стражник крикнул: «Сюда нельзя!» «Мне можно везде!» – со звонким ребячливым смехом ответил кто-то страже и на полном ходу, растворив со скрипом деревянную дверь, влетел в светлицу. Молодой человек скинул заснеженный меховой плащ, поправил длинные золотистые кудри...

...И Зотов без труда узнал адъютанта и лучшего друга Петра Алексашу.

– Ты чего, как верхолёт, носишься по крепости? Тебя какая муха укусила? – возмутился Зотов.

–Где государь Пётр Алексеевич? Мне нужно сообщить ему важное известие! – с порога заявил Алексаша.

–А его Величество в кузню убежал, а что за известие? – удивился Зотов.

–У него сын родился.

–Да...

– А что так печально?

–Что-то я не верю, что наш любитель наук и ремёсел обрадовался такой обузе...

Вдруг дверь распахнулась, и вошёл Пётр.

Алексаша бросился к нему с объятиями:

– Mine heart, у тебя сын родился! Поздравляю!

– Тоже мне нашёл радость... – без особых эмоций сказал Пётр.

– Я не понимаю, older brave, чем ты не доволен!

– А ты не можешь много понимать, ты – little brave! – поддел Алексашу Пётр.

– Я – little brave?! Да я всего на два года тебя моложе! – возмутился Алексаша.

– Всё равно ты – little!

– Давай лучше пойдём на малыша посмотрим... – предложил Алексаша.

– Да я эту Лопухину терпеть не могу! – проворчал Пётр.

– А я тебе предлагаю не с женой, а с ребёнком увидеться!

– Ну, ладно, пошли... – согласился Пётр.

Пётр и Алексаша пришли в покои жены Петра – Евдокии и увидели кружевную люльку. Пётр склонился над люлькой и взял на руки малыша. Глядя с умилением на малыша, который умещался на больших мозолистых ладонях Петра, Пётр улыбнулся, Алексаша тоже расцвёл в улыбке...

– А ты такой крошечный, сыночек! Я назову тебя в честь

своего отца: Алексей. Ну, здравствуй, царевич Алексей, жаль, что ты царевич, я бы хотел тебе более счастливую судьбу, ведь царь не принадлежит себе...

Тут ребёнок заплакал, слышались шаги Евдокии, Пётр положил ребёнка и широкими шагами вышел из покоев, Алексаша побежал за ним...

Тем временем грустила Анна, что Пётр не сможет жениться на ней, а посол немецкий Гордон говорит ей:

– Анна, вам нужен более надёжный друг, чем его Величество, например, я...

Так, ещё встречаясь с Петром, Анна дала согласие на брак с Гордоном от того, что надо было выходить за кого-то замуж, и подарила Гордону подвеску со своим портретом и прядью волос, но нравился ей совсем другой человек: Алексаша.

И написала она Алексаше приглашение на свидание. Прочитал это Алексаша и с гневом бросил записку в очаг, подумав:

«Вот ещё я из-за девицы буду отношения с Петром портить!».

С тех пор знал Алексаша, что Анна – ненадёжная женщина, но не знал, как открыть глаза Петру на неё...

Всё случилось само собой...

У Монса был приём, на котором были и Пётр, и Гордон. Гордон выпил и поднял тост:

– Я предлагаю выпить за Кукуйскую нимфу!

Пётр приревновал, раздул ноздри, сверкнул грозно очами и приказал Алексаше:

– Санька, налей Гордону ещё!

Алексаша налил. Пётр потребовал снова налить Гордону.

–Ему же плохо будет! – испугались гости.

– Наливай, Санька! – прикрикнул разгорячённый Пётр на Алексашу.

Алексаша не посмел послушаться и налил Гордону ещё. И так повторялось снова и снова, пока пьяный Гордон не упал. Пётр положил Гордона на тахту, на которую указала Анна, разорвал у горла рубаху, чтобы ему было легче дышать...

... И увидел тот самый медальон с портретом и прядью волос Анны и подписью:

«С любовью от Анны».

Тут спустилась со второго этажа Анна. Увидев такую сцену, она поняла всё без слов и опустилась на колени.

Пётр посмотрел гневным взглядом и со словами:

– Дура! Кур тебе пасти!

Оттолкнул её и резкими шагами вышел из таверны.

С тех пор Пётр прервал отношения с Анной.

Скоро Анна попросила разрешения выйти замуж за Гордона, и Пётр не стал чинить препятствия, только сказал:

–Ты сама виновата, что мы разорвали отношения!

– Анна верна мне, а если ваше величество хотят продолжать распутный образ жизни, то только не с моей женой! –

оскорбил Петра Гордон. Пётр раздул ноздри, нахмурился, но ничего не сказал: титул царя не дал Петру вступиться за себя. Зато Алексашу задели эти слова:

– Я вызываю вас на дуэль! – заявил Гордону Алексаша.

У Петра от испуга округлились глаза:

– Ты что делаешь, братик?!

– Спокойно, Петер, я знаю, что делаю!

Гордон и Алексаша вышли на задний двор...

... Через какое-то время Алексаша пришёл и кинул сло-манную шпагу к ногам Петра:

– Что это? – удивился Пётр.

– Шпага Гордона! Он сдался, даже дуэль не окончил, видел бы ты его лицо, когда я стал побеждать! Он сразу сдался! – сказал Алексаша.

Пётр обнял Алексашу и прошептал:

– Милый друг, спасибо тебе, но больше так не делай, я за тебя испугался: он – не ты, он бы тебя не пощадил!

Гордон и Анна уехали в Германию, Пётр, чтобы продемонстрировать, что не сердится, послал на свадьбу подарок.

Тяжело Пётр пережил разрыв с Анной, но Алексаша его утешил:

– Не злись на неё, она тебя недостойна!

... Зимой они почти не выезжали никуда, Пётр и Алексаша развлекались беседами у камина и игрой в шахматы. Петра приводило в бешенство то, что Алексаша выигрывал у него...

Двое друзей у камина сидят,
О чём-то беседуют и вдаль глядят...
Им отныне расставаться не надо:
Всё сильнее и сильнее братская клятва...
Пусть препятствия их ждут на пути,
Всё они вместе смогут пройти:
Радость и горе – всё пополам...
Скажут друг другу: «Я тебя никому не отдам!».
А свеча догорает, кончилась беседа...
Можно просто помолчать: это тоже дело...
Смотрят с нежностью в глаза названные братья друг дру-
гу,
И всё понятно без слов им как будто...
Время идёт, только крепнет дружба,
И даже сердца бьются дружно...
Странный случай это, однако,
Слуга царю стал братом!
Только им до мнения окружающих всё равно:
Счастье дружбы узнать им дано.

...Вечером Пётр и Алексаша сидели у камина, взявшись
за руки, Алексаша склонился ему на плечо, Пётр улыбнулся,
Алексаша подумал:

«С ним я стал совсем ручной...»

– Чего же ты загрустил, братик? На улице непогода, а мы

с тобой в тепле сидим... – пошутил Пётр.

И беседовали Пётр и Алексаша о будущем, о далёких планах Петра, о прошлом вспоминали, и душевная ниточка связывала двух братьев ещё сильнее...

– Как на трон встану, флот построим, столицу новую воздвигнем, мы с тобой, Алексаша, такого наворотим! – говорил Пётр.

– Конечно, *older brave*, и новую моду введём! – поддерживал его Алексаша и понимал, что уже, действительно, желает помочь Петру, а не врёт.

«Какое счастье – быть рядом с таким человеком!» – подумали одновременно Пётр и Алексаша.

Правда, этой зимой дружба Петра и Алексаши прошла ещё несколько проверок.

Во-первых, Алексаша однажды отменил приказ Петра: выпороть боярина Шишкова за воровство...

Когда Пётр узнал об этом, он недовольно посмотрел на Алексашу, провёл рукой по Алексашиной спине и спросил разгневанно:

– Санька, ничего не болит?

– Нет...

– Так вот заболит: так за такое дело в следующий раз велю исполосовать! – прикрикнул Пётр.

– Ах, так! Я это терпеть не собираюсь, я уйду! – заявил Алексаша и размахистыми шагами направился к двери.

Пётр опомнился и побежал за ним с уговорами:

– Алексашенька, прости, это я в гневе, я же никогда так не сделаю, ты же это знаешь...

Пётр понял, что уговаривать Алексашу бесполезно, развернулся и отравился в палаты со словами:

– Ну и ладно!

Тут уже Алексаша опомнился и побежал за Петром с причитаниями:

– Петенька, ты чего? Я же без тебя не могу!

Пётр остановился, братья улыбнулись и бросились друг другу на шею со смехом. Конфликт был улажен и забыт.

– За что вы любите его, ваше величество, он же такой горористый! – удивлялся Зотов.

– Вот за то и люблю... – отвечал Пётр.

Во-вторых, однажды в гостях у Лефорта Пётр сказал:

– Лефорт, сделаешь мне настоящие полки – генералом пожалую!

– Это можно, ваше величество, только на это не день и не два надо... – говорил Лефорт.

– Делай сколько нужно! – приказал Пётр.

Скоро Лефорт сделал два полка: Преображенский и Семёновский. Осталось только сшить обмундирование. На это деньги Пётр выделил Алексаше. А тем временем письмо пришло Алексаше от старшей сестры. Пишет она, что им деньги срочно нужны. Вот Алексаша и купил самую дешёвую ткань, а деньги, что остались, сестре послал. Приехал

посмотреть Пётр на своё войско в новых мундирах, а ткань в руках расплзается!

– Ну, Санька, я тебе устрою! – возмутился Пётр.

Пришёл в Преображенское Пётр разъярённый.

– Зотов, посоветуй, как отучить Алексашу от воровства! – спросил у Зотова Пётр.

– А ты кнутом его огрей... – посоветовал Зотов – От одного удара ничего не будет...

Пётр взял кнут, направился семимильными шагами к Алексаше. Алексаша как это увидел, испугался, съёжился, закрыл глаза руками...

Удар прям по рукам пришёлся...

Обиделся Алексаша, оттолкнул Петра и побежал в горницу. Там стал вещи складывать свои в порыве обиды, заплакал...

... И упал в обморок...

А той порой Пётр, чтобы успокоится, пошёл на конюшню почистить любимого коня, Красавчика. Заметил Пётр любимого коня Алексаши, Сахарка, подошёл к нему, погладил, прошептал:

– Вот, Сахарок, поссорились мы с твоим хозяином, а мне так помириться хочется, я ж без него жизни не представляю...

Тут пришёл Зотов и говорит:

– Ваше величество, я ведь знаю, о чём вы думаете...

– Угадаешь, золотой дам! – сказал Пётр.

– Вы думаете, как с Алексашей помириться...

– Дурень!.. – с перекошенным лицом грубо ответил Пётр, но золотой дал.

Тут прибежала служанка:

– Ваше величество, Александр Данилович без сознания лежит!

У Петра глаза округлились, лицо перекосилось, Пётр всё бросил и побежал к Алексаше.

Алексаша лежал без сознания на полу среди разбросанных вещей...

Пётр уложил Алексашу на кровать, взял за руку и стал себя ругать:

– Что я наделал! Так обидел своего названного братика! Алексашенька, только прости меня, поправься, а я больше никогда тебя не обижу, обещаю! Ну, Зотов и советчик: век больше его слушать не буду!

... В глазах Петра блеснули слёзы...

Всё это слышал и видел одним глазком Алексаша, который уже давно очнулся, но не показывал виду. От таких искренних слов сердце Алексаша растопилось, обида прошла, Алексаша открыл глаза и позвал Петра.

Пётр стал просить прощения и целовать рубцы на руках Алексаша.

– Ладно тебе, older brave, я сам тоже виноват, я на тебя не обижаюсь больше...

Пётр целую неделю заглаживал вину: дарил Алексаше по-

дарки, ухаживал за больным Алексашей, приносил даже еду в постель...

...Как-то Пётр ехал в карете и увидел: на дороге сидел беспризорный котёнок. Пётр вспомнил, как Алексаша рассказывал ему, как Алексашу в детстве согрели и спасли от холода кошки и что хочет Алексаша своего питомца, и взял котёнка, и привёз в Преображенское и подарил Алексаше...

– Спасибо тебе, братик, мне очень приятно, что ты запомнил, что я мечтал о своём питомце. Я назову его Тигряшей...
– сказал довольный Алексаша.

... Но вот Алексаша выздоровел, рубцы зажили, рана на душе тоже зажила, обида прошла и они, как и прежде, были дружными братиками, чья дружба стала ещё крепче...

Тонкая невидимая душевная нить превратилась в незримый духовный крепкий канат, который связывал двух названных братьев.

А однажды к Алексаше пришёл купец и, подарив дорогой перстень, сказал:

– Поговорите с его Величеством, чтобы мне дали первую купеческую гильдию.

Алексаша согласился.

А вечером сидят Пётр с Алексашей, Алексаша руку поднял, Пётр увидел перстень, схватил Алексашу за руку и спрашивает:

– Откуда он у тебя? Я тебе такого не дарил!

Пришлось Алексаше признаться.

Пётр разгневался, стал кричать на Алексашу, а Алексаша не оправдывается, увидел это Лефорт, взял их портрет и сказал:

– Порву! Не будете больше братьями!

Алексаша с Петром мигом про обиды забыли и стали уговаривать Лефорта:

– Не рвите, пожалуйста! Мы будем братиками!

– И не будете ругаться?

– Мы уже помирились... – ответили Пётр и Алексаша с улыбкой.

Посмотрели названные братья друг другу в глаза и хором сказали:

– Прости меня, братик, я больше так не буду...

Так их дружба прошла все испытания и окрепла.

А когда настала весна, пришёл праздник светлой Пасхи, вся семья Петра поехала в Москву на службу.

Во-первых, Пётр удивил всех тем, что поехал в церковь в голландском костюме.

– Посмотрите, как он одет! – возмутилась Софка.

– А вы, добрые люди, послушайте, как она живёт! – взбунтовался Пётр и стал рассказывать, как Софка пьянствует, да гуляет.

Так поспорили Пётр и Софка: кто прав – тот, кто правильно одет или кто правильно живёт.

Спросила Софка у священника:

– Кто из нас прав?

–Если Царь Пётр правду говорит, он прав: лучше неправильно одеться на службу, но праведно жить, чем правильно одеваться, но неправедно жить...

В ярости Софья разбила поднос.

А когда был крёстный ход, Пётр посмотрел на Софью со-
колиным взглядом и сказал:

– Нечего здесь девице делать, шла бы в палаты!

Поняла Софка, что кончилось её правление: вырос Пётр, еле дождалась, когда праздник окончится, созвала верных стрельцов и говорит:

– Приказываю вам этой ночью убрать Петра и всех его приближённых!

...Ночь...

Беспросветная тёмная ночь...

Спят крепко Пётр и Алексаша. Вдруг прискакал человек, упал в ноги Петру и сообщает:

– Великий государь, скоро пребудет сюда стрелецкое войско убрать вас и всех твоих приближённых, скорее скройтесь!

Пётр в чём спал, в том вскочил и закричал:

– Коней нам, живо!!!

Перекосилось лицо Петра, оторопел от испуга, но потом понял, что бежать надо...

А Алексаша от испуга ничего сообразить не может...

Привели коней, Пётр в исподнем вскочил на первого, перекинул поперёк седла Алексашу, на другого Наталья Кирилловна и Зотов сели, на третьем – жена Евдокия с сыном Алексеем и поскакали до леса. А как скрылись в лесу, решили скакать до Троице – Сергиевской Лавры. Через три часа сняли их с коней еле живых...

– Ничего, Бог в обиду не даст... – сказали монахи.

– Хорошо бы... – приговаривала Наталья Кирилловна.

А на утро против стрелецких войск Лефорт выступил с полками Петра. Все с нетерпением до дрожи и волнением ждали известия с поля боя...

... Пётр о чём-то задумался, а потом взял нож, подошёл к Алексаше, взял крестик и сказал:

– Если хочешь, я перережу верёвку, и ты будешь свободен и сможешь скрыться...

Но Алексаша нахмурившись, отодвинул руку Петра и сказал:

– Я обещал, что буду тебе названным братом при любом исходе, и выполню своё обещание...

И вот прибыл гонец. Дрожащими руками Пётр раскрыл письмо и с ликованием прочитал вслух решающие счастливые строчки:

«Ваше величество, стрельцы разбиты, Софья заточена в Новодевичий монастырь, Кремль свободен для вас, великий государь!

Генерал Лефорт».

От радости все стали обниматься, вышли на улицу, тут же устроили пир, выпили за успех Петровских полков...

... А тем временем узнала Софка, что её стрельцы проиграла, закручинилась, решила, что нужно помириться с братом. Села в карету, поехала в Троице – Сергиевскую лавру, а её на полпути остановили солдаты Преображенского полка:

– Дальше пускать не велено! Царь Пётр приказал вас в Новодевичий монастырь на пострижение доставить!

Топнула Софка ногой, а никто её грозного притопа не боится...

... Так и заточили Софью в монастырь, где она прожила ещё десять лет...

А когда приехали они в Кремль, Иван отказался от власти, и Пётра миропомазали, как единовластного правителя...

Свершения Петра

Как Пётр правителем стал, в первую очередь решил посмотреть другие страны, найти союзников против турок и шведов, выучится правлению, кораблестроению, другим важным наукам и решил отправиться в великое посольство за границу. Поехал Пётр не под своим именем, а взял себе другое звание и имя: урядник Пётр Михайлов.

Сперва, они приехали в Голландию, где Пётр и Алексаша

поступили в мастеровые на верфь. Позже они гордились мозолями на руках и документами, где указано, что они с отличием окончили кораблестроительную школу.

А потом они ездили в Австрию, где у Петра возникли напряжённые отношения с правителем. Ездил Пётр и в Польшу, где подружился с польским королём Августом вторым Храбрым. Там Пётр вёл переговоры сам (обыкновенно, дипломатией занимался Алексаша) и вот что случилось.

Как-то сидели Пётр и Август за одним столом, показалось Августу, что серебряная тарелка не совсем чистая, Август взял, скрутил эту тарелку и бросил на пол. Пётр подумал, что Август силой решил померяться, взял и две тарелки сложил и скрутил. Августа захватил азарт, он скрутил три тарелки. Пётр – четыре, Август – пять, Пётр – шесть...

...На двенадцатой Пётр остановился и сказал:

– Хорошо серебро гнём, посмотрим, как штыки шведов будем гнуть...

Ещё Петра удивили слова Августа, когда речь зашла о фаворитах:

– Лично я меняю адъютанта и фаворитку каждый год: они начинают наглеть...

Пётр с Алексашей переглянулись: они не одобряли Августа.

В Польше случился ещё один казус. Прошёл слух, что в

свите Петра есть бывший крепостной крестьянин, но никто не знал, кто это именно. Тогда один любопытный придворный вельможа решил спросить об этом у Алексаши:

– Александр Данилович, говорят, что Пётр дружит с бывшим крепостным, но это же каламбур?

– Не знаю, у нас с Петром этот каламбур длится два года...
– ответил Алексаша.

Лицо вельможи округлилось...

А потом Пётр со своим посольством отправился в Англию. Там Пётр и Алексаша, как всегда, устроились на верфь, но тут их рассекретили. Вот как это было. Катил однажды Пётр тачку и видит: старый знакомый с Кукуево Яков идёт. Увидел Петра, остановился и во все глаза смотрит.

– Здравствуй, Яков! Да я это, я, не округляй глаза, просто я решил подучиться кораблестроению. Никому не скажешь? – поприветствовал его Пётр.

– Честное благородное слово, ваше величество! – пообещал Яков.

Правда, через день Петра и Алексашу пригласили на приём к королеве.

– Кто взболтнул?! – разорвался Пётр.

– А кто знал? – спросил Алексаша.

– Ты, я, наше посольство... Яков ещё... – задумался Пётр.

– Ну, вот! А ты ещё спрашиваешь! Конечно, Яков! Его же хлебом не корми, дай тайну чью-то разболтать... – отвечал Алексаша

Что ж, пришлось наряжаться и ехать на приём к королеве. По пути Пётр заметил, что его с любопытством и испугом разглядывают.

– А что меня так разглядывали? – спросил Пётр у королевы.

Та задумалась и ответила:

– Вот вы диковинки собираете, а сами с вашим ростом для нас диковинка, вот вы и вызвали интерес народа...

Там им впервые дали закурить курительные трубки. Петру очень понравилось, а вот Алексаше стало плохо, Санька немного очухался и сказал, что больше эту гадость в рот не возьмёт.

Пётр устал и хотел присесть. Тут увидел белую подушечку на тахте, сел на неё...

... А это оказалась персидская кошка! Королева такой визг подняла! Пришлось извиняться перед её величеством...

... А вечером Пётр поднялся в покои Алексашы со свёртком и сказал:

– Алексаша, у меня есть тебе подарок: как увидел – не удержался, так тебе пойдёт эта вещь!

Алексаша развернул свёрток и ахнул от восторга: там была барсовый меховой плащ!

– Ну, mine heart, спасибо, обрадовал ты меня! Такой удивительный мех! Такая красота! Ну, зачем ты купил, mine

heart, она, наверное, ужасно дорогая! Всё равно большое спасибо! – обрадовался Алексаша, но потом загрустил.

– А чего у тебя глаза стали такие грустные? – спросил Пётр.

– Вот стал ты царём, теперь не будешь меня любить, подарочки мне дарить... – сказал Алексаша.

– Ещё сильнее буду тебя любить, ещё чаще подарочки буду дарить! – улыбнувшись, стал уговаривать Пётр и Алексаша тоже улыбнулся и зарделся и они обнялись: как можно было сомневаться в чувствах Петра?

... А потом они поехали в Данию, где Алексаше понравилась датская принцесса, а Алексаша понравился ей. Она на память подарила Алексаше породистого британского ко-та. Так началась Алексашина коллекция кошек.

...Принцесса Дании и Алексаша стали часто уединяться, когда это заметили король и королева, то Алексашу и Пётра попросили уехать из Дании.

...Алексаша, конечно, был очень расстроен...

И только они собрались ехать в Венецию, пришло письмо Петру, что взбунтовались стрельцы, баламутят Русь. Перекосил Пётр лицо и отдал приказ возвращаться в Россию. Как вернулись в Россию, Пётр велел жестоко расправиться с бунтовщиками...

... В утро стрелецкой казни рассвет кровавого цвета возвещал о горе. Жёны и дети стрельцов рыдали, народ охал,

но Пётр был непреклонен: или они его сместят, или он их победит!

И из-за страха Пётр делал такое!...

...Казнил стрельцов, заставлял бояр быть палачами, многие падали в обморок...

...Чтобы не попасть в палачи, Алексаха притворился больным и три дня не выходил из своей комнаты...

Да, страшен Пётр в гневе!..

Много ошибок наворотил в эти дни Пётр, но как всё улеглось, успокоился, в себя пришёл(а то он от страха и ярости на себя был не похож), другая беда настала: война с турками.

Пётр хотел отвоевать выход к чёрному морю, а для этого нужно было завоевать крепость Азов.

Первые попытки были неудачными. Понял Пётр, что без реформ в армии, без флота не обойдёшься. Стал Пётр проводить рекрутские наборы, устроил в Воронеже верфь, и скоро всё было готово к новому бою, только корабли надо перегнать от Воронежа. Велел Пётр соорудить из брёвен подкаты и тащить корабли...

– Осень, дорога плохая, может, переждать? – спрашивал Алексаха.

– Нет, лишь бы дорогу не развезло! – отвечал Пётр.

... А на второй день пути пошёл дождь...

– Вот всё тебе надо скорее, да на авось! Вот развезло до-

рогу, что теперь делать будем? – ругал его на чём свет стоит Алексаша.

Пётр только хмурится.

Видит Алексаша, как людей, что корабли тащат, плетьюми подгоняют, сердце защемило, стал просить Петра:

– Петя, скажи, пусть не бьют их, им и так тяжело...

– Ох, добросердечный ты у меня... – сказал Пётр, но приказ не бить отдал.

Ехал Пётр и говорил с боярином Шереметьевым о чём-то, как увидел такое! Алексаша упал, и корабль его накрыл!

От испуга у Петра чуть сердце не выскочило...

Пётр как соскочил с коня, подбежал к кораблю и поднял корму...

А корабль тяжёлый...

Пётр корчится, старается, держит, кричит:

– Кто-нибудь, вытащите его!

Никто понять не может, что делать надо, только один проворный солдат сообразил, что Пётр просит и вытащил из-под корабля Алексашу. Пётр с облегчением бросил корабль, взял Алексашу на руки и понёс в обоз, а сам с солдатом тем переглянулся и сказал:

– Спасибо тебе, щедро награжу...

Пётр своё слово сдержал: получил тот солдат от Петра и денег, и шубу, и ещё денег от Алексаша.

К взятию Азова Алексаша уже был в полном порядке.

И вот вторая попытка...

В бою участвуют и артиллерия, и пехота, и флот...

Алексаша был впереди всех, уже вовсю размахивал шашкой на стене крепости, пока бой шёл ещё в низу.

Пётр смотрел только на Алексашу и приговаривал:

–Ах, Санька, ну, даёт: вперёд всех лезет! Ну и получит он у меня за то, что на рожон лезет! Я ему титул поручика дам за храбрость! Братик, братик, переживаю я за тебя и горжусь тобой!

Победа была на нашей стороне, выход к Чёрному морю открыт!

А как война кончилась, начались другие свершения Петра: реформы внутри страны. В первую очередь Пётр приехал и заявил:

–Приказываю, чтобы все приближённые мои переходили на заграничную моду. Велю камзол и кафтан – жюстокор, парики заграничные носить и брить бороды! Вот, посмотрите на поручика Александра Меншикова: он хорошо одет...

Бояре посмотрели на Алексашу, носы поворотили и решили, что Пётр забудет скоро о своей затее и можно ничего не менять.

Как бы ни так!

Пришли на следующий день бояре, как всегда, с бородами и длинными рукавами, а Пётр разозлился, блеснул соколиными очами, раздул ноздри и закричал:

– Ах, так! Меня не слушаться! Я вас проучу! Санька, неси ножницы!

Алексаша хихикает, но ножницы несёт.

Пётр стал резать бороды, бояре плачут горькими слезами, а Алексашка смехом заливается, как колокольчик.

– Ну, ты даёшь, mine heart! – сказал Алексаша.

– А пусть знают, как меня не слушаться! – возмутился Пётр.

)

Выставил на площади Пётр наряды нового образца и дал неделю для пошива такой одежды.

Прослышали об этом два боярина: Шереметьев и Ягужинский, заволновались – они ведь бородами славились. Сидят, горюют: что делать? А тем временем Пётр вызывает их с докладом. Первый пошел Ягужинский.

– Я вас научу, как меня не слушаться! – закричал Пётр, потребовал ножницы и постриг бороду несчастному Ягужинскому, хотя тот на коленях умолял Петра этого не делать. Вышел Ягужинский заплаканный и без бороды. Испугался Шереметьев, решил помощи у Алексашки искать, пришёл к нему и говорит:

– Александр Данилович, заступитесь за меня перед Петром, чтобы мне с бородой остаться...

Алексаша долго думал, как такое устроить, а потом говорит Петру:

– Петя, я придумал, как заставить побриться бояр и как

ещё денег с них получить...

– Как?

– Вот как: введи налог на ношение бороды. Кто заплатит его, получает бородовой знак и носит его целый год, а через год опять деньги платит, так у них деньги кончатся, побреются: никуда не денутся...

– Ну, ты молодец, умный ты у меня, Алексашенька...

Так Пётр и сделал. Обрадовался Шереметьев, выкупил бородовой знак и ходит гоголем. Через год опять заставили платить. Через два года опять заставили платить...

... Понял Шереметьев, что скоро от его богатств только одна борода-то и останется...

Приходят приставы, а Шереметьев сидит злой и бритый...

Когда Алексаша рассказал эту историю Петру, Пётр долго смеялся...

Снова сидят у камина Пётр и Алексаша, друг на друга смотрят ласково, только теперь в Кремле. Улыбаются, на портрет свой смотрят и любимую песенку напевают:

Чтоб не случилось вдруг,

Знай, я – твой самый надежный друг!

Счастье или беда,

Буду рядом с тобой всегда,

Всё, что хочешь, мне доверь,

Как хочешь, меня проверь,

Главное, мне поверь

И не закрой к своему сердцу дверь.

Буду ждать верно-верно,
Если надо, всю жизнь, наверно,
Через любые бурьяны с тобой пройду,
Потому что ты мой лучший друг!

– Алексаша, давай сбежим, на конях поскачем... – прошептал Пётр.

– Давай...

Оделись друзья, оседлали коней, поскакали через необъятное поле, а трава шелестит, колышется, а кони бегу резво. Смеются наши друзья: ветер парик у Алексаши сорвал, показались свои волосы: роскошные белокурые кудри...

... А тем часом во дворце переполох: царь пропал! Всем дворцом Петра искали, а Зотов посмотрел, что и Сахарка на конюшне нет тоже, и догадался, что сбежали Пётр с Алексашей, говорит боярам:

– Не паникуйте, Пётр скоро вернётся...

И впрямь, к вечеру заявили Пётр с Алексашей...

– Как же так, ваше величество, без охраны вам не положено выезжать, мы же вас потеряли, всё обыскали... – роптали бояре, а Пётр только переглянулся озорно с Алексашей и прикрикнул на них:

– Не вашего ума дело!

А вот какой казус случился за несколько дней до первого бала на Руси: петровского ассамблея. Алексаша забрёл в гардеробную Петра и удивился: сколько там было красивых

нарядов! И большинство из них Пётр никогда не одевал...

...Алексаша достал синий бархатный кафтан – жюстокор, вышитый серебряной ниточкой, одел его и крутился возле зеркала, когда в комнату вошёл Пётр.

Алексаша от испуга уронил ворох одежды...

– Что это ты тут, Алексаша, делаешь? – удивился Пётр, а потом догадался – Тебе, что, мои кафтаны понравились? Ты, оказывается, у меня модник! Можешь сшить у моего портного наряд на ассамблей...

На ассамблее Алексаша блистал в расшитом золотой ниткой голубом кафтане – жюстокоре с бирюзовой брошью, на которой было выгравировано: «Моему little brave».

Все бояре завидовали подарку Петра Алексаше.

На ассамблее все кружились в вальсе, веселились, рассказывали анекдоты. Алексаша выделялся остроумием, чем очень понравился барышням. Сначала Алексаша решил поиграть с Вишневым в карты, но когда бояре поняли, что Алексаша мухлюет, его выгнали танцевать. Танцевал Алексаша хорошо и комплименты рассыпать умел, от того и имел такой успех у дам. А ещё была традиция, что царь должен выпить большой кубок с изображением орла с выбранным на ассамблее фаворитом.

– Я хочу выпить этот кубок с моим названным братом Александром! – заявил Пётр.

Все бояре заскрежетали зубами от зависти.

Алексаша смутился, подошёл, слуги налили кубок «фаво-

ра» (так назывался этот кубок), сначала пригубил Алексаша, потом Пётр.

Пётр и Алексаша переглянулись, и Алексаше ужасно захотелось сбежать от этих взглядов и шепнуть Петру, что он, Алексаша, – не просто фаворит, а самый настоящий друг.

А потом все вышли танцевать и играть в ручеёк на придворцовую площадь.

– Тебе нравится, братик? – спросил Пётр.

– Очень! – ответил Алексаша, танцуя с барышней в маске.

... Бал прошёл, начались будни. Как только заканчивались государственные дела, Пётр бежал на верфь. Алексаша пришёл к Лёшке Бровкину, которого Пётр назначил за честность казначеем. Лёшка сказал:

– Поехали, Алексаша, заберём моего отца из лесной избушки в мой новый дом...

– Поехали... – согласился Алексаша.

Когда Ивашка Бровкин увидел роскошную карету, то подумал, что важные люди заблудились, но тут выглянул из кареты Лёшка и закричал:

– Папа! Привет! Это же я! Я приехал, чтобы забрать тебя из леса в цивилильный дом!

– Лёшка! – обрадовался до слёз отец.

– Собирайся отец!

– А что мне собирать-то? У меня вещей-то нет...

Ивашка сел к Лёшке и Алексаше в карету.

– Папа, а кто это со мной, узнаешь? – спросил Алёша.

– Не знаю, похож на пасынка Данилы Меньшикова, с которым ты сбежал, но он уж больно хилый был, наверное, не выжил...

– Угадали... – с улыбкой сказал Алексаша.

– Санька! Как же вы так возвысились?

– Алексаша теперь названный брат царя, адъютант, а я – казначей! – похвастался Лёшка отцу.

... Лёшка и отец улыбались и говорили обо всём, а Алексаша завидовал белой завистью, что Лёшка так дружен с папой...

Алексаша погрустнел, когда вспомнил о Даниле и старшей сводной сестре...

«Они-то точно благодарны не будут...» – подумал Алексаша.

Скоро Алексаша построил свой дом и перевёз туда сестёр и Данилу, а они даже спасибо не сказали...

... Алексаше было очень обидно, но он по-прежнему любил свою, пусть даже не родную, семью...

Алексаша пришёл расстроенный. Пётр спросил, что случилось, Алексаша рассказал свою обидку на семью.

– Не надо, не обижайся и не переживай: у тебя же есть такой брат, как я... – сказал Пётр и заботливо погладил по волосам Алексашу...

... Алексаше стало легче...

А скоро было день рождения Лёшки, Алексаша, Пётр и Лёшка выпили и Лёшка попросил Алексашу:

– Спой что-нибудь, что пел в детстве...

Алексаша запел, и Пётр округлил глаза, так поразился красоте народного напева:

«Вот мчится тройка почтовая

По Волге-матушке зимой.

Ямщик, уныло напевая,

Качает буйной головой.

О чем задумался детина,

Седок приветливо спросил,

Какая на сердце кручина,

Скажи, тебя кто огорчил?

Ах, милый барин, добрый барин

Уж скоро год, как я люблю,

Да нехристь староста татарин

Меня журит, а я терплю.

Ах, милый барин, скоро святки,

И ей не быть уже моей,

Богатый выбрал да постылый,

Ей не видать веселых дней...»

После этого случая Пётр часто просил спеть Алексашу...

А потом был ещё случай, который приоткрыл Петру жизнь Алексаша до Преображенска.

Пётр и Алексаша ехали с приёма в карете и проезжали деревню. Вдруг Алексаша закричал:

– Остановите карету!

Карету остановили, Алексаша выскочил и побежал навстречу пашущему мужчине.

– Трофимка, здравствуй, не узнаёшь? Это же я, Алексаша!

Мужчина, к которому обращался Алексаша, очень удивился:

– Алексаша, ты? Какой же ты красивый стал! А я думал, что вы с Лёшкой не выжили!

– Ой, Трофимка, мне тебе столько рассказать надо!

– Так проходи в избу! – радостно предложил Трофим.

– Так я же с его величеством еду...

– Ой!.. – сначала испугался Трофим, но потом Пётр из любопытства сказал:

– Не надо церемониться, я тоже пройду в избу, посижу, кваску выпью...

Так Пётр сел у окна, жена Трофима принесла квасу и стал слушать, как Трофим и Алексаша беседуют.

– Что ж вы с Лёшкой ушли тогда? – спросил Трофим.

– А вот оскорбил меня Мишка, а чем – не скажу: мой секрет...

– А я вот бросил бродяжничать, землю пашу, женился, сын есть, Лекой зовут...

– А что ты знаешь о Мишке?

– Он всё тем же «ремеслом» занимается...

– Значит, пропал наш Мишка... – вздохнул Алексаша.

– А чего пропал? Он, может, лучше меня живёт... – удивился Трофим.

– Пропал, потому что человек без совести – пропащий! – заявил Алексаша.

– Ой, а ты, как будто, больно с совестью дружишь! Выбил-ся из лакеев в адъютанты с помощью подхалимажа, наворовал из казны и рад, что Пётр не знает, а если знает, то прощает... – посмеялся над Алексашей Трофим.

Что сделалось с Алексашей! Глаза расширились, лицо покраснелось, брови сдвинулись. Алексаша резко встал, взял за грудки Трофима и возмутился:

– Знаешь, что Трофимка, ты меня с Мишкой не сравнивай: я ни честь свою, ни совесть продавать не стану! А с Петром я никогда не лукавил, ни дня: он мне друг! Я за него жизнь отдать могу! И никогда я не подхалимажничал с Петром, правду всегда говорил, за то и заслужил доверие и уважение! А то, что есть вещи, которые Пётр мне прощает, так это наше с ним дело! Да, раньше, когда я ещё не был так обеспечен, мне нужно было на что-то семью содержать, приходилось хитрить, но сейчас я без разрешения Петра копейки не возьму! Я – не обманщик! Усёк?

Трофим, робко отодвинул Алексашу и стал оправдываться:

– Не горячись, Санька, я не знал, что вы с Петром друзья

и что ты исправился. Да, ты другой с Петром стал...

Алексаша улыбнулся:

– Что не сделаешь ради названного брата...

– Ого, даже так! Ну, Господь тогда с вами, вы – счастливи-
чки! А как семья? Как Лёшка Бровкин?

– Семья в порядке, перевёз в новый дом, Лёшка теперь
казначей... – рассказывал Алексаша.

И ещё долго разговаривали Трофим и Алексаша обо всём,
а когда пришёл Лека, то Алексаша воскликнул:

– Что ж ты не сказал, что у тебя сын такой большой! Его
же учить надо...

И протянул Трофиму мешочек с деньгами. Трофим долго
благодарил...

...Когда Пётр с Алексашей поехали домой, оба были
очень задумчивы: Алексаша обдумывал, что ему рассказал
Трофим, а Пётр гордился тем, как ответил на обидные слова
Алексаша...

В это время настал для Петра трудный период: мать по-
гибла, Зотов отошёл в мир иной, Лефорт тоже ушёл из жиз-
ни...

Пришёл с поминок Пётр и завалился в сапогах на кровать,
а жена Евдокия ему говорит строго:

– Ты чего в сапогах на постель чистую лёг?

Пётр обиделся на неё, закричал:

– Ты что, белены объелась?!

С тех пор не ладилась их отношения: Пётр не любил Евдокию, Евдокия изменяла Петру. Надоела им обоим такая жизнь по горло, ушла Евдокия в монастырь...

Пётр уткнулся в плечо Алексаше и промолвил:

– Одни мы с тобой остались на белом свете друг у друга...

– Ничего, вместе мы со всем справимся... – утешал его Алексаша, и незаметно их дружба крепла...

Шло время, свершал Пётр свои великие дела: открывал школы, академии, в том числе и первую медицинскую академию на Руси, устраивал первый в России музей: Кунсткамеру.

Оказалось, что не Пётр создан для трона, а трон создан для него.

Ученикам географического училища, куда приезжал с проверкой Пётр, запомнились мозолистые руки царя...

А наш Алексаша был неграмотный, вот и решил Алексаша пойти в школу. Долго Алексаша переодевался по-простому и ходил в школу, но в один «прекрасный» день в эту школу с проверкой приехал Пётр.

– Спрячьте меня! – попросил Алексаша учеников. Ученики долго думали и решили спрятать Алексашу под учительский стол. Пётр прошёл в класс...

...и в первую очередь сел за учительский стол!

«Что это мне под ногами мешается?» – подумал Пётр и посмотрел под стол.

У Алексаша началась паника, но он не подал виду и сказал:

– Привет, Петь ...

Пётр как раскричался на Алексашу:

– Ты чего с малышнёй бегаешь, меня позоришь! Если кто-нибудь узнает, что ты неграмотный, нас засмеют!

Ученики подошли к Петру и робко попросили:

– Ваше величество, не ругайте, пожалуйста, Саньку, он хороший ученик и учителям помогает...

Пётр смягчился:

– Всё равно ему нельзя в простой школе учиться, ведь он – мой адъютант...

– Что ж ты мне раньше не сказал, что грамоты не знаешь? – спросил у Алексаши Пётр.

– Я стеснялся...

Так подумали Алексаша и Пётр и решили, что будет учиться Алексаша с царевичем Алексеем.

Было смешно смотреть, как взрослый парень выводит старательно буквы, Пётр помогал в учёбе ему и за два года Алексаша прошёл весь курс обучения. А вот сын Петра Алексей таким старанием к учёбе не отличался...

А ещё именно Пётр велел отмечать Новый год по юлианскому календарю первого января. Пётр сам лично посадил три дерева – символа Нового года: ель, сосну и лиственницу. В новый год всё блистало от стеклянных игрушек на ёлке, свечей, палили из пушек, все танцевали и веселились...

...Только на этом празднике не было почему-то Алексаши. Тут Петру сказали, что какой-то простой парень оставил

ему подарок. Петра заинтересовало: обычно от царя ждут подарков, а тут что же может простой парень подарить царю?

Пётр вышел в холл и обомлел: там стояла блестящая от украшений ёлка. Когда Пётр рассмотрел украшения, то увидел стеклянные сердечки с гравировками:

«Мы впервые встретились», «Мы побратались», «Мы построили ботик»...

... и везде были написаны даты...

... А на звезде была подпись: «Твой младший брат Алексаша».

Глаза Петра заблестели от восхищения и благодарности.

– Так вот кто мой таинственный даритель! – удивился

Пётр.

Тут появился и сам Алексаша, нарядный и улыбающийся:

– Mine heart, тебе понравился мой подарок?

– Конечно, братик! – ответил Пётр и закружил Алексашу от радости. А потом велел поставить Алексашину ёлку в центр зала...

А весной Пётр с Алексашей сажали дубки: Пётр ямку выроет, Алексаша саженец возьмёт и вместе посадят...

... Соприкоснутся рукавами, улыбнутся и дальше продолжат.

Шереметьев этот увидел и сказал:

– Зачем вы, ваше величество, это делаете? Вы же не увидите дубов...

– Зато мои потомки увидят! – заявил Пётр...

А тем временем пригласил Пётр с визитом в Россию шведского короля Карла двенадцатого. Пётр предложил ему:

– Мне нужен выход к Балтийскому морю, давайте обменяемся: вы возьмёте любую крайнюю область России, а нам отдадите любые несколько портовых городов на Балтике...

– Я согласен только на Москву! – заявил Карл. – Я не хочу, чтобы в моих городах ходили медведи! Да вы, русские, вообще, варвары, как с вами только связываться можно!

Пётр оскорбился, раздул ноздри, сверкнул грозными очами, закричал:

– Ну, тогда я добьюсь своего с помощью войны!

Северная война

Так началась Северная война. И первым боем была битва за Нарву. Алексаша в этом бою командовал кавалерией. Русские войска подъехали к запертому городу Нарве и уже собрались штурмовать ворота, когда ворота открылись и оттуда высыпало войско Карла и сразу разъединило русское войско на отдельные отряды. Солдаты побросали пушки и побежали через мост, мост не выдержал такой нагрузки и сломался...

... Много людей и орудий потонуло...

Пётр хватался за голову, Алексаша стоял по колени в воде и кричал, надрываясь, на свою отступающую кавалерию:

–Трусы!!! Назад!!!

Но ничто не могло остановить отступление русских...

... А Алексаша рвался вперёд, скинул кафтан, остался для удобства только в портках и рубаше, скрылся во вражеском дыму...

А потом Пётр видит рубашку на колу...

...Пётр подумал, что враги подняли его на кол, так испугался за Алексашу, что округлил глаза и сел на пушку...

– Царя удар хватил! – испугались солдаты.

Тут заметил Пётр, что бежит на встречу нашим без рубашки, в одних портках Алексаша, раненый, но довольный, что Господь спас.

–Спасибо тебе, Боже, ты вернул мне братика! – воскликнул Пётр и обнял Алексашу.

– Прошёл удар... – посмеялись солдаты

... После такого поражения Пётр заперся у себя в комнате и никого не пускал...

– Чего это он там делает? – гадали бояре.

А Алексаша подошёл к двери, постучал, не успел словечка сказать, как из комнаты крикнул Пётр:

– Уйдите! Я не хочу никого видеть!

Тогда Алексаша сел у дверей и просидел целые сутки. Когда Пётр вышел, то увидел дремлющего Алексашу.

– Ты, что, целые сутки здесь сидишь? – удивился Пётр.

– Конечно, не могу же я тебя бросить! – ответил Алекса-

ша.

– А я решение важное принял: послать самых лучших воевод в академию заграничную в Голландию учиться военному искусству. Придётся тебе на какое-то время уехать...

Месяц учились Алексаша, Броус и Шереметьев за границей, месяц Алексаша с Петром каждый вечер писали друг другу длинные письма, которые всегда начинались одинаково:

«Здравствуй, свет очей моих, день мой прошёл в трудах, но я всё равно ужасно тоскую по тебе...»

Дальше, обыкновенно, шёл сухой официальный рассказ, как кто провёл день и только симпатическими чернилами они писали, как скучают, как волнуются друг за друга, что их беспокоит по-настоящему. Пётр любил после трудного дня сесть у камина и почитать Алексашино письмо, Алексаша забавно жалуется на Шереметьева, Пётр читает и улыбается, а все понять не могут, что так Пётр любит эти письма читать (не видят же они, какие ласковые слова симпатическими чернилами написал Алексаша Петру).

Но вот разлука кончилась, Алексаша и другие воеводы вернулись из Голландии, Пётр и Алексаша не могли нарадоваться встрече...

Этот вечер они решили снова провести вдвоём у камина, перешёптываясь о том, что накипело на душе за этот месяц...

А на следующий день Пётр был решительно настроен на продолжение войны с Карлом, всё было готово, кроме артиллерии: за такой короткий срок столько стали не выплавить, ведь вся артиллерия под Нарвой потонула.

Пётр задумчиво посмотрел в окно и заявил:

– Будем переплавлять лишние колокола на пушки!

Алексаша поперхнулся чаем:

– Ты, что, это серьёзно?!

– Серьёзней некуда, братик...

– Народ тебя не поймёт, с церковью будут проблемы... – стал отговаривать Петра шокированный Алексаша.

– Всё равно у нас другого выхода нет, так что не дрефь, всё должно получиться! – как-то неуверенно сказал Пётр.

«Ох, не люблю, когда он так говорит...» – подумал Алексаша.

Приехали они в первую церковь, видят: висят семь колоколов. Батюшка вышел радостный с возгласом:

– Какие гости ко мне, да хранит вас Господь!

Батюшка усадил их за стол, все напились и спать легли, только Алексаша не пил...

... Утром смотрит Пётр: висит один колокол.

– Как же так! Их же семь было!

– Да так и был у нас один колокол, приход-то не большой, а остальные вам с пьяну показались, ваше Величество... – сказал батюшка.

– Подаришь подарочек, скажу, куда они остальные колокола спрятали... – с озорным видом заявил Алексаша.

– Ах, ты хитрец, братик! За такое, действительно, подарок подарить нужно! Говори!

– Колокола стоят под раскидистой ивой над рекой, что не далеко отсюда...

– Откуда знаешь?

– Так я ж, в отличие от вас, не пил...

Уехали Пётр и Алексаша из этой церкви, бросился священник к иве, а колоколов-то нет! Так Пётр с Алексашей перехитрили всех...

Скоро артиллерия была готова, русские войска снова выступили против шведов. Но перед сражениями Пётр решил сделать всем подарок: послать весточки родным солдат и устроить встречу. Послал он весточку и Даниле. Приехали родственники солдат, обнимают, плачут, узелочки с вкусностями суют, а Данила сказал несколько слов и ушёл. Алексаша стоит, как в воду опущенный, а однополчане смеются:

– Что-то отец тебя не очень жалует, стоишь неприкаянный, прям как сирота!

Тут Пётр встал и подошёл к Алексаше, и названные братья обнялись, а все только удивляются:

– Сам царь его вниманием своим наградил!

Под посёлком Лесным Алексаша со своей конницей разгромил отряд шведов, за что Пётр пожаловал Алексаше георгиевский крест. А потом, почему-то шведы повернули на

Украину...

Следующий бой должен быть под Полтавой. Бой серьёзный: и русские, и шведы все силы привели под Полтаву. Всю ночь совещался Пётр со своими приближёнными, принимать ли бой...

... В итоге Пётр сказал:

– Я сам приму решение. Если утром выйду из шатра, значит, бою быть!

... И вот настало хмурое утро, все смотрели на шатёр Петра...

... И тут вышел сам Пётр и потребовал коня, и армия возликовала, и, казалось, небо кричало вместе с солдатами: «Ура!!!!!!!!!!!!!!».

Семимильными шагами Пётр направился к коню, весь горя в ожидании боя, сел на коня, подъехал к солдатам и произнёс воодушевляющую речь.

– Мы обязательно победим, потому что мы защищаем нашу Родину, нашу веру! А обо мне ведайте, что мне жизнь не дорога, лишь бы было лучше России! – закончил эту речь Пётр.

Карл был ранен, поэтому его несли, лёгким движением руки он приказал своим полкам наступать...

... И начался великий Полтавский бой!

Если до этого Алексаша думал, что самый страшный бой был под Нарвой, то он ошибался: ужаснее битвы, чем Полтава, Алексаша не видел: всё горело, летали поминутно ядра,

пули. Раздавались крики, стоны и залпы сотен орудий...

... Под Алексашей полегло семь коней, только тогда он велел вывести Сахарка, своего любимого коня, и случилось чудо: Сахарок вынес Алексашу из боя целым и невредимым!..

А той минутой, когда Пётр сам заряжал пушку, В него навели стволы трое шведских солдат...

... Первая и вторая пули попали Петру в треуголку, а третья полетела напрямиком в грудь...

... Алексаша похолодел, зажмурился и шепнул:

«Господи, помилуй...».

... третья пуля попала Петру прямо в нательный крест!

Бой шёл с переменным успехом, пока на поле боя не появилась Алексашина конница. Шведы испугались свежих сил и побежали, а конница Алексаши ещё долго преследовала их...

... Алексаша с конницей привёл Петру шестнадцать тысяч пленных шведов...

... Алексаша подошёл к Петру и вытер рукавом с его лица сажу со словами:

– Эх, как ты меня напугал! Я так за тебя волновался! Ты же высокий, как свечка, отличная мишень, одна шальная пуля и тебя нет, а я этого не переживу!

– А ты меня не напугал? Выговор тебе: ты тоже на рожон лез, рисковал собой! А если бы я потерял тебя? Ты думаешь обо мне?

– Я по-другому не умею... – ответил Алексаша.

– Я тоже... – закончил ссору Пётр.

(Алексаша после Полтавской битвы)

Битва закончилась нашей победой, Пётр закатил пир и, взор его сиял, как самоцветные камни, от гордости и радости, улыбка не сходила с его лица весь пир. Он одарил всех воевод наградами, а в конце подошёл к Алексаше и, протянув ему какую-то бумагу, сказал:

– А для тебя у меня есть особый подарок...

Алексаша развернул документ, и мягкая улыбка с румянцем выдали, что он обрадован и смущён: Пётр подарил своему другу княжеский титул. Когда Пётр зачитал этот указ вслух, все бросились поздравлять Алексашу, но дороже всех поздравлений для него было то, что Пётр признал его заслуги...

Алексаша вышел, а когда вернулся, то принёс свой новый герб: собака с сердцем и девизом: «Верное сердце царю и Родине».

(Пир после Полтавской битвы)

Как выяснилось позже, скоро у молодого князя появилась своя семья...

Дело было вот так: как-то приехал Алексаша по государственным делам к боярину Боровидскому и увидел в окно красивую молодую девушку с большими, как будто напуганными, глазами и роскошными каштановыми волосами.

Алексаша остановился, загляделся на греческий профиль красавицы в окне...

... Девушка заметила его пристальный взгляд, засмушалась и закрыла ставни...

Алексаша долго стоял ещё на том месте и думал о той девушке в окне...

Тут по двору побежала служанка Боровидского, Алексаша схватил её за руку и спросил, показав на окно незнакомки:

– Кто здесь живёт?

– Пленная шведка...

– А зачем Барин её к себе забрал?

– А как вы думаете, для чего барин держит красивую молоденькую содержанку?

Алексаша отпустил служанку Боровидского, задумался...

А потом решил поговорить с прекрасной незнакомкой и запрыгнул к ней в окно.

Девушка испугалась, завизжала, залезла на диван с ногами.

– Нет-нет, не пугайтесь меня, я всего лишь поклонник вашей красоты, хочу узнать о вас побольше. Скажите хотя бы своё имя...

Девушка спустилась с дивана, недоверчиво посмотрела на Алексашу своими большими раскосыми карими глазами и, опустив ресницы, промолвила:

– Катарина. А кто вы?

– Я – князь Александр Меньшиков...

Узнав, какой важный вельможа заинтересовался ей, Катарина перепугалась, оттолкнула Алексашу, хотела бежать, но Алексаша схватил её за руку и попросил:

– Оставайтесь, пожалуйста, я вам ничего плохого не сделаю, клянусь!

Катарина села на диван и показала жестом Алексаше, чтобы он сел рядом.

Они разговорились, и Катарина поведала о том, как она дважды была неудачно замужем, как овдовела, как попала в плен и как к ней приставал Боровидский. Алексаша почувствовал её такой нелёгкой судьбе, ему понравились её голос, её правильная речь.

С тех пор Алексаша каждый вечер стал прихорашиваться и ездить к Катарине. Пётр это заметил и пошутил:

– Ты, что, Алексаша, зазнобу завёл?

(Алексаша смущён)

Алексаша не отвечал на шуточный вопрос Петра, только краснел...

Алексаша просил Боровидского продать Катарину, но тот был непреклонен. Алексаша, как всегда, запрыгивал в окошко и долго беседовал с Катариной обо всём: она оказалась очень развитой молодой особой, что очень нравилось ему. Алексаша приносил сладости, и Катарина красиво накрывала на стол, и они вместе пили чай. Алексаше были по душе её аккуратность и, даже, некоторая манерность...

Так они встречались долго, почти три месяца и всё больше и больше привыкали к друг другу...

(Катарина ждёт Алексашу)

...Катарине нравились изысканность и воспитанность Алексаши, его деликатность: в её бесправном положении он мог делать с ней, что захотел, но за три месяца дружбы он целовал ей только ручку. Как-то раз Алексаша хотел поцеловать Катарину в щёчку, но она так покраснелась и смутилась, что Алексаша больше не предпринимал таких попыток. За три месяца Алексаша проявил себя, как очень заботливый и внимательный кавалер.

Однажды, когда пришёл Алексаша, он застал Катарину в слезах.

– Боровидский снова приставал ко мне... – пожаловалась Катарина. Алексаша весь вскипел, хотел вызвать Боровидского на дуэль, но потом решил получить Катарину хитростью.

– Я скоро приеду за тобой, жди меня, всё у нас будет хорошо! – заявил Алексаша, вылез в окно и добавил:

– Хотя я сам не очень в этом уверен...

Алексаша приехал к Петру и сел рядом.

– Братик, я по твоему виду вижу, что ты хочешь меня о чём-то попросить, так что не строй мне глазки, а говори честно, то тебе нужно... – начал разговор Пётр.

– Mine heart, я влюбился и хочу жениться...

– Отлично! Наконец-то! Я рад за тебя! Кто она?

Алексаша вздохнул, опустил взгляд и сказал:

– Вот в этом-то и дело. Она – пленная шведка Катарина, содержанка боярина Боровидского...

Сначала Пётр рассердился:

– Братик, ты, что же, не мог лучше невесты найти?! Смотри, сколько за тобой светских девиц бегают, а он! В пленную шведку! В содержанку! Не понимаю тебя!

– Когда ты полюбил Анну, я тоже тебя не понимал, однако принял твой выбор! И ты не думал о том, что она – немка! Ты же знаешь, что такое любовь, ты должен меня понять...

Пётр взглянул в глаза Алексаши и увидел в них такую любовь и такую глубину...

Пётр вздохнул и спросил:

– А что надо от меня?

– Дело в том, что её не отпускает Боровидский, но если бы ты ему приказал, он бы не ослушался...

– Хорошо, я дам тебе сейчас письмо от меня Боровидскому, где напишу, чтобы он передал Катарину тебе. Но только ты её мне привезёшь и покажешь...

Через несколько минут письмо было написано, и Алексаша, взяв женскую шиншилловую шубу (была зима), которую он купил для Катарины, отправился с письмом к Боровидскому.

Как Катарина увидела невольную физиономию Боровидского и Алексашу с письмом и с шубой, сразу всё поняла и

бросилась к Алексахе в объятия. Алексаха нежно погладил её и шепнул:

– Теперь нас никто не разлучит...

Он накинул на плечи Катаринины шубу и Алексаха с Катариной сели в карету.

– Куда мы едем? – спросила она.

– К Петру: он хочет с тобой познакомиться...

Катарина стусевалась...

– Не бойся, веди себя естественно, ты понравишься ему, и он обязательно разрешит нам обвенчаться...

И вот наша пара приехала к Петру. Пётр придиричиво посмотрел на Катарину и... улыбнулся: Катарина произвела на него хорошее впечатление. Долго они беседовали, а Алексаха бродил, нервничая, а потом Пётр сказал:

– Ну, люб тебе мой Алексаха?

– Люб... – опустив ресницы от стеснения, ответила Катарина.

– Ну, тогда можно и за свадьбу братья... – сказал Пётр.

Алексаха и Катарина на радостях обнялись, закружились, потом закружили Петра и засмеялись.

– Хватит, хватит, молодёжь... – останавливал их Пётр, но это было бесполезно.

Скоро Катарина приняла православие и стала Дарьей Арсеньевой, а через месяц была свадьба.

Пётр организовал очень пышное венчание, а после венча-

ния бал.

На Дарье и Алексаше были белоснежные наряды, украшенные кружевами, цветами, бриллиантовые украшения и золотые венцы.

Пётр был очень весел, поднимал тосты за молодых, танцевал и не мог налюбоваться своим лучшим другом.

– Пётр разнарядил своего дружка-плебея и устроил роскошное торжество! С чего бы? Терпеть не можем этого Алексашку: из грязи да в князи! – ворчали бояре, он это не могло омрачить самый счастливый день Алексаши, Дарьи и Петра...

Жили Дарья и Алексаша душа в душу, правда, долго молили Бога о детях.

Господь наградил их дочерью Марией.

А скоро Алексаша выдал замуж и сестёр. Сначала выдал самую младшую, Аню, за границу, потом средняя, Мария, сама сбежала с возлюбленным. Долго Алексаша не мог пристроить старшую сестру, Александру...

... Но вот однажды приехал свататься за Александру боярин Волков: сорокалетний, неженатый, бездетный, богатый человек. Александра ушла в свою комнату.

За ней пришёл Алексаша.

– Что тебе жених не понравился?

– Старый... – протянула Александра.

– Ты что! Ты сейчас кто? Санька Меньшикова, а будешь

боярыней Волковой! – сказал Алексаша, и это сыграло положительную роль: Александра согласилась выйти замуж за Волкова.

Приехал Алексаша к Петру довольный, нарядный, выпивший и в первую очередь налил себе и Петру и сказал:

– Поздравь меня, Петя, я Александру выдал замуж за самого боярина Волкова!

– О, – обрадовался Пётр, – поздравляю! Как же он взял её, она же такая капризная?

– Теперь это не моя головная боль! – радостно заявил Алексаша.

С тех пор Алексаша стал всё больше времени проводить в своей усадьбе, с семьёй. А Александра Волкова завидовала Дарье, завидовала всему: что Алексаша так ласков с ней, что наряжает Дарью и дочку, как царевен, что у них такая послушная лапочка – дочка (у самой-то сын непутный). Как-то приехала Волкова с мужем на бал, снимает шубу из чернобурки, смотрит, а никто ей не восхищается, а все вокруг Дарьи столпились.

– Это из шиншиллы... – скромно отвечает на расспросы Дарья, сняла шубу, и оказалась в бархатном синем платье с сапфировыми лилиями на шее. А потом сняла с дочки шубку беличью, а на девочке платье, всё расшитое розами и кулон в виде розы. Взглянула Волкова на свой скромный гарнитур из гранатовых капель и давай упрекать мужа:

– Вот, Меньшиков свою как наряжает, а ты всё на меня денег жалеешь!

– Слушай, в кого ты такая? Брат твой – нормальный человек, но от тебя никого покоя нет... – устало сказал Волков.

Стал Алексаша замечать, что на вечер Пётр один остаётся.

– Слушай, older brave, нельзя мужчине без женщины, да и скучно, давай и тебя женим! – предложил Алексаша.

– Ох, ты сводник, всё бы тебе женить кого-то! Не смогу я уже полюбить... – отвечал Пётр.

– Никто о большой любви не говорит, главное, чтобы спокойная, внимательная к тебе женщина была. Хочешь, поищу?

– Ну, давай... – согласился нехотя Пётр.

Прошло немного времени, и Алексаша нашёл такую женщину.

Как-то вечером Алексаша увидел, что к женщине пристают трое солдат.

Алексаша достал шпагу и заявил:

– Кто её тронет, будет иметь дело со мною!

Солдаты посмотрели на Алексашу и, решив, что лучше с ним не связываться, ушли.

Женщина поправила причёску и кокетливо улыбнулась Алексаше, что ему очень не понравилось.

– Не строй мне глазки, ты не в моём вкусе... – проворчал Алексаша, посмотрел на неё...

– А как тебя зовут? – спросил Алексаша.

– Марта... – ответила она.

– А ты, Марта, как здесь оказалась?

– Я – из солдатского обоза... – стесняясь, сказала Марта. Алексаша поморщился, задумался, потом спросил:

– А как ты попала в обоз?

Рассказала Марта, что она из благородной семьи, хорошо воспитывалась, только попала под Мариенбургом в плен и вынуждена так выживать...

Алексашу осенило, что именно такая женщина нужна Петру.

– Хочешь из этой грязи выбраться?

– Конечно, хочу! А как?

– Моему другу нужна жена, такая, чтобы покорная была, во всех начинаниях поддерживала, успокоить могла, всегда следила, чтобы он был по погоде одет, вовремя поел, не употреблял алкоголь, ну и меня отблагодарить не забыла...

– Я на всё это согласна. А кто твой друг?

– Царь Пётр!

– О! – только смогла сказать Марта.

– Вот что, – закончил разговор Алексаша, – давай я тебя переодену и завтра представлю Петру, только откуда я тебя взял ни словечка!

– Конечно, я же не враг себе!

Привёл Алексаша на следующий день Марту к Петру и говорит:

– Вот, друг, нашёл тебе подходящую девушку.

Пётр посмотрел: приятная на внешность особа: черно-волосая, кареглазая, статная. Стал разговаривать: понравилось, как она отвечает: спокойно, рассудительно. Понравились Петру и её манеры (этому её научил Алексаша).

Всё его устроило, Пётр стал пока без брака жить с Мартой.

В сожителстве с Петром Марта родила двух дочерей и трое сыновей, но выжили только две дочери: Анна и Лиза.

После этого Марта приняла православие, они с Петром обвенчались, и она стала царицей Екатериной первой.

А как-то были Пётр с Алексашей на приёме у Броуса и видят: приводят слуги к Броусу грязного ободранного мальчонку с напуганными глазами.

– Поймали беглеца, ваша милость! – говорят ему.

– Извините, я удалюсь на одну минуту... – сказал Броус гостям, вышел в другую комнату и стал кричать на мальчишку:

– Ну, всё, отбегал ты своё, так побить велю, что больше не захочешь убегать!

Алексаша услышал это, стало жалко ему мальчонку (не забыл ещё по себе, как она-то – жизнь крепостная), снял перстень с шарфом шёлковым модным и говорит Броусу:

– Продайте мне этого мальчика...

– Да с радостью, от него всё равно пользы нет! – ответил Броус и принял перстень и шарф.

– Вы теперь мой новый хозяин? – спросил у Алексаша мальчик.

– Не называй меня так. Зови меня Александр Данилович. Тебя как звать?

– Ванятка...

– Вот что, Ванятка, идём, я тебя в карету усажу, ты там подождёшь, пока я с приёма приду, потом мы займёмся тобой...

Пётр посмотрел на это и вздохнул: он понял, почему Алексаша так поступил.

... Когда Алексаша и Ванятка приехали к Алексаше домой, Алексаша велел отмыть Ванятку, переодеть и накормить. Престарелая кухарка охала, смотря, с какой жадностью ел мальчик.

– Ничего, я тоже, когда к Петру попал в первый раз, наесться не мог... – вспомнил Алексаша.

– А теперь пойдём, я покажу тебе твою комнату... – сказал Алексаша.

Он привёл Ванятку в маленькую, но очень уютную комнату на первом этаже, где жили слуги, с мягко застеленной кроватью. Ванятка был в восторге.

– И это будет моя комната?

– Да...

– Александр Данилович, за что вы так со мною обращаетесь?

– Я хорошо обращаюсь со всеми моими слугами...

– А что я должен буду делать?

– Твоя главная работа, пока – это ходить в воскресную школу. Ну, конечно, будешь помогать на кухне...

Вечером Ванятка лежал в своей кровати и обдумывал, что с ним случилось:

«Повезло, видно, мне, Александр Данилович добрый. Даже не знаю, почему он так ко мне внимателен: комнату дал, работой не нагрузил. А в своей комнатке уютно, тепло, кровать мягкая, впервые в такой кровати сплю, а спал раньше на земле или на лавке...».

На следующий день Ванятка отправился гулять по территории усадьбы и увидел крепкого мальчишку на заборе. Сначала Ванятка испугался, но мальчишка окликнул его:

– Эй, ты, что, новенький?

– Да... – ответил Ванятка.

– Хочешь завести товарища по проказам и играм?

– Хочу. А что такое проказы?

Мальчишка засмеялся.

– Эх, ты, учить тебя и учить! Меня Макаром зовут, а тебя?

– Ваняткой...

– Ну, хорошо, будем друзьями... – сказал Макар.

А через некоторое время Макар пришёл к Ванятке и рассказал:

– У Александра Даниловича целая коллекция кошек, хочешь, пойдём, посмотрим?

– А можно?

– Можно – можно!

А когда они пришли в комнату для кошек, то увидели в вольере персидского кота, и Макару пришла мысль, которой он поделился с Ваняткой:

– Давай пострижём этого кота, моя мама варежки свяжет!

– А это точно хорошая мысль? – засомневался Ванятка.

– Да отличная идея, чего ты сомневаешься? – сказал Макар и принёс ножницы.

Только они достали кота, как зашёл Алексаша. От возмущения у Алексаши подпрыгнул парик.

– Дети, нельзя так издеваться над животными! – поругал их Алексаша.

Ванятка сначала сжался, но Алексаша заметил это, погладил Ванятку и сказал:

– Ванятка, я не ругаюсь, я просто объясняю, что так нельзя, ну, чего ты испугался? Простой хозяин тебя наказывал, да? Не бойся, у меня наказаний нет, я просто говорю вам, чтобы вы больше так не делали...

А однажды сидели вечером Пётр и Алексаша в Кремле у камина, а из усадьбы к Алексаше слуга прибежал и говорит:

– Александр Данилович, Макар с Ваняткой пропали!

Алексаша соскочил, сказал Петру, что ему нужно срочно в усадьбу, поехал в усадьбу, собрал слуг-мужчин и стал с ними в ближайшем лесочке всё обыскивать.

– Ау! Макар! Ванятка! Где вы? – кричит Алексаша, а самого как камень на сердце.

Тут видит: спят под сосной их Макар с Ваняткой.

Разбудил их Алексаша, привёл домой, сообщил всем домашним, что тревога отменяется. Макара родители забрали, а Ванятка пошёл в свою комнату и плачет:

– Вот, послушал Макара, теперь мне попадёт...

Ванятка очень волновался, потому что не видел никогда рассерженного Александра Даниловича. Тут вошёл Алексаша. Ванятка стушевался.

– Надеюсь, ты понял, что вы поступили плохо? Ты видишь, как мы испугались за тебя с Макаром? – отчитал строгим голосом Алексаша.

У Ванятки поползла нижняя губка...

– Ну, не надо, не плач, я вовсе не хотел доводить тебя до слёз, просто я очень люблю тебя и очень испугался, ведь в лесу столько опасностей... – ласково поглаживая по головке Ванятку, сказал Алексаша.

От таких слов у Ванятки в душе, словно цветочек расцвёл, Ванятка перестал плакать, прижался к Алексаше и дал себе слово быть послушным.

А как-то были Пётр с Алексашей на приёме у Шереметьева и видят: привели к нему старушку, а Шереметьев ей и говорит:

– Когда долг отдашь?

– А сколько она должна? – спросил Алексаша.

– Восемь целковых... – ответил Шереметьев.

Алексаша подал ему эту сумму со словами:

– Нельзя пожилых обижать!

А потом спросил у старушки:

– Как вас зовут?

– Ой, сыночек, я так стара, что никто не помнит, как меня называли...

– Нельзя так жить без имени, давайте вас будут звать, как мою маму, Прасковьей Ивановной...

Потом Алексаша не раз привозил Прасковье Ивановне дрова, муку, деньги.

... А тем временем пошли слухи, что владелец уральских рудников и мастерских Демидов плохо содержит рабочих, работой тяжёлой нагружает, за каждую провинность бьёт, они там гибнут, как мухи. Пётр послал проверяющих. Все говорили, что слухи ложны. Но разговоры о том, что «уральский царёк разбушевался» не угасали. Тогда Пётр решил послать самого надёжного: Алексашу.

Алексаша приехал на рудники и убедился, что народ говорил правду: жить рабочим у Демидова было невыносимо. Алексашу это задело за душу, он решил всё рассказать Петру и стал выговаривать Демидову:

– Как вам не стыдно на людях наживаться! Так не пойдёт! Всё будет доложено его величеству!

Демидов достал из шкатулки брошь в форме дивного цветка, подал её Алексаше и спросил:

– Ваша Светлость, может, сойдёт?

– Нет, не сойдёт! – возмутился Алексаша и бросил брошь на пол.

– Ну, что ж, я хотел по-хорошему! Может, вот так сойдёт? – с хитрым взглядом и ухмылкой сказал Демидов и развернул перед Алексашей документ. Как Алексаша начал читать его, то схватился за голову: там был донос со всеми провинностями Алексаши: взятками, казнокрадством, укрытием беглых крепостных, причём о многих вещах Пётр не знал.

Алексаша попытался вырвать документ из рук Демидова, но тот свернул бумагу, убрал и сказал с ехидством в голосе:

– Если вы не хотите, чтобы эта бумага попала к его величеству, вы скажите, что у меня на рудниках всё в порядке!

– Жулик! – в гневе выкрикнул Алексаша.

– Да, Александр Данилович, вы правы! – с торжеством ответил Демидов.

К Петру Алексаша ехал задумчивый: он не знал, как поступить...

Конечно, можно сказать, что слухи ложны, что на рудниках всё в порядке, но тогда он подставит простых рабочих, а если Алексаша скажет правду, то Пётр приструнит Демидова, и Демидову придётся улучшить, хотя бы для виду, жизнь рабочих.

«Видно, это тот случай, когда надо послушать совесть и сказать всё как есть...» – подумал Алексаша, жалея рабочих,

хотя у самого Алексаши душа сворачивась от мысли о «тайной комнате» (комнате, где пороли за взяточничество, казнокрадство и т.д.).

Когда Алексаша рассказал всю правду о Демидове Петру, царь был в ярости и вызвал Демидова. Только приехал Демидов, Пётр стал кричать:

– Вот я и узнал о тебе всю правду! Так вот значит, как ты с подчинёнными обращаешься? Уральский царёк! Думаешь, я на тебя управу не найду? В острог захотел?! Ещё одна жалоба, что ты наживаешься на людях, и ты не только пойдёшь, полетишь от пинка в острог!

Демидов сначала растерялся, но потом сделал хитрое выражение лица, достал доносы и, подав их Петру, сказал:

– Вот вы говорите, ваше величество, что знаете обо мне правду, но вы не знаете всей правды о том, кто рядом с вами...

Пётр взял бумаги, стал пролистывать...

Алексаше сразу стало плохо, он побелел и округлил и без того большие глаза...

– Опять доносы! Я же сказал: Меньшикова не трогать! – крикнул Пётр, стукнул кулаком по столу так, что стол затрясся, и бросил доносы в камин.

Теперь была очередь побледнеть Демидову...

– Слышишь Демидов, чтобы всё исправил, а то я не просто так острогом пугаю! Лично проверю! А пока в тайную

комнату! – отдал приказ Пётр, и Демидова увели.

Алексаша посмотрел на Петра мокрыми от слёз большими глазами.

«Ну, теперь мне попадёт...» – подумал Алексаша.

– А я говорил, что долго скрывать свои тайны ты от меня не сможешь. Ну чего ты испугался, я не собираюсь тебя ругать, я понял, чего тебе стоило поступить в этот раз честно. Ты у меня сегодня молодец, пошли ужинать... – ласково сказал Пётр Алексаше и погладил его по носу.

Названные братья сидели за столом, ужинали и беседовали.

– Спасибо, братик, что ты понял меня, я, честно, больше воровать не буду. А лихо ты с доносом расправился, Демидов аж позеленел! – сказал Алексаша и друзья засмеялись.

– Я его в тайную комнату отправил, если после этого не исправится, то я слов на ветер не бросаю...

– Исправится... – задумчиво протянул Алексаша и взял Петра за руку.

Пётр улыбнулся и друзья запели свою любимую песню...

А тем временем война со шведами подолжалась...

Пётр приложил много сил, чтобы у России был флот, теперь, когда его мечта исполнилась, бои шли на море. И вот в Неву зашла эскадра шведских кораблей. Алексаша с Петром переглянулись и обоим в голову пришла авантюрная идея, которую они решили воплотить в жизнь...

Ночью Пётр и Алексаша взяли несколько шлюпок, верных солдат и окружили шведские корабли.

– На абордаж! – скомандовал Пётр, шведы проснулись и хотели уплыть, но было поздно: выход из Невы был перекрыт. Бой продолжался до утра и скоро Пётр праздновал новую победу.

Всё шло своим чередом, когда в один прекрасный день Пётр пришёл к Алексаше улыбающийся:

– Знаешь, Алексаша, а ведь через неделю будет ровно двадцать пять лет с того дня, как мы с тобой побратались...

– Не волнуйся, ты ещё от меня лет двадцать пять не отвяжешься... – пошутил Алексаша.

– Нет, я серьёзно, надо отметить эту дату! – подал идею Пётр.

И начались приготовления к пышному ассамблею. Пролетела неделя, остались последние приготовления. Алексаша стоял и смотрел, как развешивали гирлянды, когда к нему подошёл Толстой и съязвил:

– Поздравляю, Александр Данилович, двадцать пять лет, как вы обманываете Петра!

Алексаша разозлился и дал Толстому пощёчину, убежал в их с Петром комнату, расплакался, и они с Петром решили отметить эту дату только со своими семьями. Приезжают в Алексашину усадьбу, а там Екатерина и Дарья устроили та-

кой праздник: накрыли стол, пригласили самых близких людей, приготовили мужьям подарки. А Лиза, Ванятка, Макар и Маша всех поразили: они поставили спектакль про молодость Петра и Алексаши. Пётр и Алексаша смотрели и удивлялись: откуда они знают столько, ведь их ещё тогда не было! А Лёшка Бровкин сидел, пощёлкивая пальцами, надеясь, что Пётр и Алексаша не догадаются, что это он рассказал всё детям.

Весь вечер Пётр и Алексаша принимали поздравления от родных, радовались, танцевали, а вечером они сели на своих любимых коней, поскакали вдвоём к реке, любовались закатом и беседовали о будущем...

... Неугомонный Пётр проводил все дни в делах: открывал школы, вводил новые реформы, например, табель о рангах, выпускал первую в России газету. А война продолжалась, наши отвоевали берег Невы.

Санкт – Петербург

Однажды рано утром служанка разбудила Алексашу словами:

– Александр Данилович, его величество здесь, приказал разбудить вас и подать дорожный костюм.

Алексаша нехотя встал, надел дорожный костюм и вышел в столовую выпить чашечку кофе. Там уже сидел Пётр.

– Давай, просыпайся без кофе, у нас есть дело, поехали! – протараторил Пётр.

Они оседлали коней, и Алексаша поехал за Петром.

Скоро они были у Балтийского моря. Пётр встал на берегу, и ветер развивал его волосы и плащ. А Алексаша потерял в болоте сапог, сел на кочку, достал сапог и ворчит:

– Петя, я совершенно не понимаю, зачем ты меня сюда привёл...

Пётр задумчиво смотрел в даль и не один мускул не дрогнул на его лице, казалось, он не слушает Алексашу...

...Пётр закрыл глаза, втянул свежий воздух и заявил:

– Здесь город будет...

Алексаша от шока выронил сапог снова, с минуту сидел с обалдевшим выражением лица, а потом обрушил на Петра море упрёков:

– Да ты что, хреновины напился?! Какой здесь город, здесь только мошка да комары живут! Ты, вообще думаешь, что сказал?! Это невозможно! Тебе, наверное, голову напекло, раз у тебя появляются такие бредовые мысли!

Пётр молча выслушал эту тираду, а потом с таким же задумчивым видом повторил:

– Здесь будет город. С чего начнём?

Алексаша, вздохнув, подумал: « Вот упёртый человек... » и ответил:

– Сначала потравим комаров...

Блестает холодным отсветом Нева,
Кругом только кочки, болота, вода...

И волна бурливо взмывается ввысь...
Пётр сказал Алексаше: «Держись!»...
Алексаша ответил, что жить здесь нельзя,
Что в этих болотах можно пропасть навсегда...
Но Пётр упёртый проникся мечтой,
Чтоб столицу воздвигнуть над непокорной водой.
И согнали рабочих на эти брега,
Каждый привозил камней и песка,
Осушили болота, и за несколько лет
Вырос здесь город, краше которого нет...
Дворцы и парки, крепости, купола...
Как удивилась природа сама!..
Окно в Европу Пётр так прорубил
И для торговли Россию открыл.
Город назвали Санкт-Петербург,
И поразились и враг, и друг
Красоте Петергофа и тайнам его,
Восхищение выразить сложнее всего!
С тех пор недовольно забурлила Нева:
Гранитом блистает её вода...
В дома и граниты оделся весь град...
Удаче в затее Пётр сам рад.

... Пётр взялся рисовать план нового города:

– Так, здесь будет дворец, здесь – адмиралтейство, а здесь
– усадьба какого-то вельможи...

Тут в дверь постучали, и Пётр вышел. В комнату вошёл Алексаша и с любопытством посмотрел на план, а затем на том месте, где Пётр отметил усадьбу какого-то вельможи, подписал: «Усадьба Меньшикова». Пётр вошёл в комнату и сделал замечание Алексаши:

– Не марай карту!

– А я не мараяю... – ответил Алексаша.

Пётр посмотрел на карту, увидел Алексашину надпись и засмеялся:

– Ну, хорошо, если ты хочешь, я дам тебе этот участок земли...

Скоро архитекторы доработали план Петра, царь велел согнать рабочих, и началось строительство города.

Это был тяжёлый и долгий процесс: сначала надо осушить болота, сделать насыпь (для чего Пётр велел каждому приезжающему привозить немного камней и песка), только потом ставить здание. Никому не давал спуска Пётр, однако и с себя требовал, как со всех.

Но вот первые здания поставлены, и Пётр приводит Алексашу в первый «дворец» Санкт-Петербурга (так в честь своего святого покровителя апостола Петра царь Пётр назвал город): свой деревянный домик со словами:

– Здесь мы будем временно жить...

Алексаша снова был в шоке.

... Шло время, и скоро Алексаша с семьёй переселился

в свою новую усадьбу, а Пётр – в роскошный дворцовый ансамбль Петергоф.

Как-то раз приехал Алексаша в Петергоф со своей новой кошечкой Бусинкой, ходят по дворцу, дивятся...

... А по золотой лепнине пробежал солнечный зайчик и спустился на пол. Бусинка стала играть с ним, а Алексаша – с Бусинкой. А Пётр наблюдал за этой мирной картиной и улыбался, радуясь, что настали спокойные времена, а потом подозвал слугу и попросил привести художника. Художник сделал набросок портрета Алексашы с Бусинкой. Когда Алексаша подошёл к Петру, то увидел этот забавный эскиз и спросил недовольно у Петра:

– Зачем ты велел меня нарисовать в таком смешном виде?

– Я хочу сохранить воспоминание об этом счастливом моменте нашей жизни... – ответил Пётр.

Пётр назначил губернатором Петербурга Алексашу.

... Петербург разрастался на глазах, и скоро случилось то, чего так хотел Пётр: приехали торговать заграничные купцы. Пётр решил пошутить: встретил иноземных гостей, но не сказал, что он царь, а, наоборот, шутил, говорил по-английски, был одет, как лоцман, и очень скоро стал товарищем для иностранных торговцев. Иностранцы очень хотели увидеть царя и поделились своей мечтой с новым знакомым. Пётр улыбнулся и сказал:

– Что ж, если вы хотите увидеть царя, то вам нужно по-

пасть на приём к губернатору Петербурга Александру Даниловичу Меньшикову...

И, действительно, скоро им пришло приглашение к губернатору Александру Даниловичу на обед. Обед поразил роскошью. Алексаша тоже их удивил: он был одет в расшитый золотом и рубинами кафтан – жюстокор, парчовый камзол, ленту с орденами и немецкие башмаки с бантами.

«Достойный губернатор...» – подумали купцы.

На обеде присутствовал и тот самый лоцман, который подружился с купцами. Беседа шла своим чередом, когда вдруг лоцман шокировал купцов тем, что отдал приказ губернатору:

– Пошлину с них не брать!

– Кто же это? – удивились купцы.

– Царь Пётр... – ответил Алексаша, и они с Петром засмеялись от души.

Пётр поправил усики – стрелочки и сказал:

– Сейчас я вам докажу, что я гостеприимный царь!

После чего велел осыпать купцов золотыми монетами.

– Расскажите всем купцам, как принимают торговцев в России! – смеясь над удивлённым выражением лиц гостей, заявил Пётр.

А тем временем Ветров разорился и решил начать своё торговое дело, а для этого нужно было разрешения губернатора.

– А как зовут губернатора? – спросил Ветров.

– Александр Данилович... – ответили ему.

Ветрову это сочетание что-то смутно напомнило, но он не придал этому значения. Когда Ветров вошёл в кабинет, у него округлились глаза и открылся рот от изумления: в губернаторе Ветров узнал своего бывшего крепостного Алексашку Меньшикова!

– Иннокентий Егорович Ветров, давайте вы оставите удивление и воспоминания, скажите лучше, зачем вы ко мне пожаловали... – с улыбкой сказал Алексаша.

Шок Ветрова не передать словами. Он долго не мог прийти в себя. Как это так: он разорился, а этот «задохлик» (так за глаза называл Алексашу Ветров) процветает! Ветров совершенно не мог понять, как Алексаше удалось стать губернатором.

Алексаша, видя его смешное выражение лица, не выдержал и рассмеялся.

А был ассамблей – маскарад. Пётр был в голландском народном костюме, Алексаша – в костюме кота. Они беззаботно веселились, когда вдруг Алексаша поймал на себе неприятный взгляд человека в чёрной маске.

– Кто это? – спросил Алексаша у Петра.

– А это сын Боярина Соколовского – Владислав Соколовский, а что?

– А что он на меня смотрит с такой неприязнью?

– Да ничего он на тебя не смотрит, не придумывай! – сказал Пётр.

... Владислав Соколовский посмотрел на Алексашу и, ухмыльнувшись, подумал:

«Сместить его и пробраться к Петру в фавориты не составит труда, нужно только дождаться удобного случая...».

И скоро такой случай представился.

Приезжает однажды к Алексаше его сводная сестра Александра и плачет:

– Выручи, братик, мой сын попал в тюрьму, а ему нельзя в сырой камере долго оставаться, у него астма, чтобы его выкупить, нужно три миллиона, дай денег...

– А что же муж не дал денег? – спросил растерянный Алексаша.

Александра смутилась, но призналась:

– Мой сын уже один раз попадал в тюрьму, и отец выкупал его и сказал, что больше выкупать не будет, чтобы он исправился...

– Ну, сейчас у меня на руках такой большой суммы нет, но как только соберу деньги, тебе отдам... – утешил её Алексаша.

– Только ты уж скорее... – плакала Александра.

Алексаша задумался, где же ему взять такую сумму. Конечно, можно было продать что-то из драгоценностей, подаренных Петром, но это – долгий процесс, а Александра просила достать деньги как можно быстрее. Алексаша напра-

вился в казну, чтобы увидаться с казначеем и другом Лёшкой Бровкиным и посоветоваться с ним, что делать. Но когда пришёл, то Лёшки не увидел, зато там сидели три боярина и что-то подделывали в документах.

Они сначала испугались Алексаши, но потом один из них предложил Алексаше:

– Мы тут казнокрадством занимаемся, за молчание хочешь три миллиона?

У Алексаши промелькнула мысль, что именно столько денег нужно, чтобы выкупить племянника и, не подумав об ответственности, он сказал:

– Хочу, давайте!

Всё это видел за шторкой Владислав Соколовский.

Потом Алексаша поехал отдать деньги Александре, а когда вернулся, то Пётр ошарашил его словами:

– Представляешь, пока казначей болел, три боярина подделали документы и взяли из казны столько денег! Казнокрады! Так бы и дал им сапогом! Ну, я в этот раз им покажу! Я велел высесть их на площади! И так я намерен поступать с каждым казнокрадом!

Алексаша только сейчас осознал, что наделал, и от этих слов Алексаше стало плохо.

А потом все собрались смотреть, как наказывают казнокрадов. Алексаша сидел рядом с Петром и не мог спокойно смотреть на это: он то зеленел, то бледнел, то краснел, то ёрзал, то затыкал уши, то закрывал глаза руками...

«Бедный братик, наверное, это действие навивает ему воспоминания из трудного детства...» – подумал Пётр и спросил у Алексаши:

– Тебе нездоровится, Алексашенька? Может, пойдёшь к себе?

– Да, мне нездоровится, я пойду... – еле выговорил Алексаша и ушёл.

Может Петра Алексаше пока удалось провести, зато Лёшка Бровкин, который уже выздоровел и тоже присутствовал, как зритель, на площади, сразу понял, что с Алексашей что-то не то.

Лёшка встал со своего места и направился за Алексашей.

Когда Лёшка зашёл в комнату, Алексаша сидел, взявшись за голову и округлив глаза.

– Так, дружище, рассказывай, что случилось! – потребовал Лёшка.

Алексаша вдохнул и во всём признался.

– И ты ради этой сестрицы, которая тебя и за брата-то не считала, гнала, так себя подставил?! У племянника твоего отец побогаче тебя будет, что ты не в своё дело полез? Вот теперь сам кашу заварил, сам и расхлёбывай! Если Пётр разгневается, сам будешь виноват! – стал бранить Алексашу Алёшка на чём свет стоит.

– Лёша, я в панике, мне такой позор грозит, что у меня сердце выпрыгнуть готово, а ты ещё так говоришь! Ну и уме-

ешь ты успокоить! – обиделся Алексаша.

– Хорошо, – вдруг сказал Алёшка, – я, кажется, придумал выход. На тебя много клеветуют, если Петру кто-нибудь скажет, что ты замешан в этом деле, а ты скажешь, что это ложь, Пётр поверит тебе. Только надо это сказать убедительно, не волнуясь, иначе выдашь себя. Ну, представь, что я – Пётр, попробуй оправдаться...

– Я... я ни-ни-ничего не... не... брал... это кле-клевета...
– с напуганной физиономией протараторил Алексаша.

Лёшка выслушал это со скучающим видом и, обречённо махнув рукой, прервал Алексашу словами:

– А на этом месте Пётр вызовет конвой...

Алексаша обиделся и швырнул в Лёшку сапогом:

– Не буду я врать Петру! Не врал и не буду! Честно всё скажу, будь, как будет...

– Ладно, может, твоя история и твой бледный вид разжалобят Петра... – сказал Лёшка и, уходя, добавил – Скажешь потом, как Пётр отреагировал...

А тем временем к Петру подошёл Владислав Соколовский и с хитрым видом сказал:

– Наказывать казнокрадов публично – это очень мудрое решение, ваше Величество, только я знаю ещё одного казнокрада, замешенного в этом деле...

– Кто? – удивился Пётр.

– Александр Данилович Меньшиков... – с торжествующим видом ответил Соколовский.

«Вот жужелица! И носит таких Земля!» – подумал Пётр, но ничего не сказал, а пошёл в казну: посмотреть по документам, правду ли сказал Соколовский. Действительно, трёх миллионов не хватает.

Сначала Пётр рассердился, но потом успокоился и задумался, что заставило Алексашу так поступить и что же теперь делать. Конечно, Пётр очень дорожил Алексашей и совершенно не собирался как-либо его наказывать.

«Нужно сохранить этот инцидент в тайне, но поговорить с Алексашей» – подумал Пётр.

– Слушай, Соколовский, скажешь об этом кому-нибудь, всех званий лишу! – к великому разочарованию Соколовского погрозил Пётр. После этого Пётр направился к Алексаше уже совершенно не сердитый на своего младшего друга.

– Алексаша, друг, мне нужно с тобой поговорить, только честно... – спокойно, но серьёзно начал Пётр – Я знаю, что ты тоже причастен к тому делу о казнокрадстве и не пытайся соврать, ты не умеешь врать. Ты же двадцать лет уже не брал из казны, что случилось?

Его глаза наполнились слезами, Алексаша опустил голову и подумал

«Да, Не на долго удалось мне скрыть от Петра правду».

Алексаша рассказал историю с племянником и уткнулся Петру в плечо, признавая свою вину.

– Так вот значит в чём дело! Урок тебе: больше так не

делай. Хотя, и ругать-то тебя не хочется: не для себя деньги взял. Что же ты у меня помощи не попросил? Вот теперь переволновался, лица на тебе нет... – сказал Пётр.

Алексаша посмотрел на Петра большими от удивления глазами и спросил с волнением:

– И ты не накажешь меня?

– Глупый младший братик, я тебя никогда не накажу и не обижу, я даже сердиться долго на тебя не могу! – посмеялся Пётр.

Алексаша несказанно обрадовался, просветлел лицом, обнял Петра. Пётр погладил ласково Алексашу по голове, провёл рукой по его длинным пшеничным волосам.

Потом они сидели за обедом, Пётр налил Алексаше вина.

– Увы, я не пью, здоровье не позволяет... – отказался Алексаша.

– Ну, чтобы расслабиться...

– Нет, мне нельзя...

– Тьфу, и выпить не с кем! – шутя, выругался Пётр.

Соколовский заглянул в столовую и неприятно удивился: ему не удалось поссорить Петра и Алексашу. Пётр погладил Алексашу по переносице.

– Фу, кошачьи нежности! – проворчал Владислав Соколовский.

Но отчаивался Владислав Соколовский недолго. Скоро он придумал новый коварный план. Соколовский стащил из стола Петра одно из Алексашиных писем, заказал писарю

написать письмо подчерком Алексаши, а текст придумал такой:

«Мы все против реформ Петра. Я планирую сделать переворот, и когда я встану на престол, то отменю многие реформы. Надеюсь, дворянство меня поддержит. Александр Данилович Меншиков».

Когда письмо было готово, Соколовский не без удовольствия подкинул своё сочинение на стол Петра.

...Утром Пётр, как обычно, взялся за бумаги и обнаружил незнакомое письмо. Он начал его читать и всё поплыло перед глазами Петра, в сердце защемило, Пётр не мог и не хотел верить, что его названный братик – предатель и заговорщик. Слезы выступили на глаза Петра, а лицо перекосилось от боли: он решил отпустить Алексашу. Сказать легко, трудно сделать.

Рано утром Пётр приехал в усадьбу Алексаши, ему сказали, что Алексаша ещё спит. Пётр широкими шагами вошёл в спальню Алексаши и, словно нож, резанула его мирная картина: Алексаша, улыбаясь, дремал с Бусинкой. С минуту Пётр любовался этой сценой, а потом толкнул Алексашу и громко сказал:

– Вставай, одевайся, мы едем!

– Куда? – удивился со сна Алексаша.

– Не спрашивай! Собирайся живей! – приказал Пётр.

– Пётр, что-то случилось? – спросил Алексаша.

Пётр только нахмурился, но не ответил.

Пётр и Алексаша скакали на конях долго, глубоко в лес, а когда уехали так далеко, что их никто не мог видеть и слышать, Пётр показал письмо Алексаше и спросил:

– Твоё?

– Откуда я знаю? Подчерк похож. Дай прочту... – ответил Алексаша и выхватил письмо у Петра. Алексаша продолжительное время вглядывался в письмо, а потом засмеялся:

– Ну и глупость! Не знаю, кто это написал, но точно не я, мне такое и в голову-то не придёт...

– Ты лжёшь! Не оправдывайся! – прокричал Пётр.

– Да ты кому веришь: этой бумажке или мне? – обиделся Алексаша.

Пётр опустил голову.

Алексаша понял всё без слов, обида обожгла его сердце, слёзы потекли по щекам, он дал пощёчину Петру и заявил:

– Я-то думал, что ты мне брат, а я за столько лет, оказывается, не заслужил твоё доверие! Ну, ты меня и оскорбил! Значит, нам не по пути!

И друзья разъехались в разные стороны. Долго Алексаша, плача, ехал, куда глаза глядят, когда вдруг услышал крик.

«Это кричит мой старший братик!» – промелькнуло в голове Алексаша и, забыв все обиды, он поскакал на крик.

Когда Алексаша прискакал к месту, то увидел разбойников и привязанного к дереву Петра. Один из разбойников наставил пистолет на Петра...

«Только бы успеть!» – подумал Алексаша и ринулся между разбойником и Петром...

Пуля вошла Алексаше в плечо, тот рухнул с коня, разбойники разбежались. Пётр освободился от верёвок и подбежал к Алексаше...

... Пётр положил Алексашу себе на руку и заплакал:

– Что я наделал! Как я мог сомневаться в тебе! Я тебя так обидел, а ты пожертвовал собой ради меня! Прости меня, братик, я больше никогда не буду сомневаться в твоей верности! Младший мой братик, очнись, пожалуйста, и я буду носить тебя на руках! Всё будет по-старому, даже лучше, только очнись и прости меня!

Тут Алексаша открыл глаза, улыбнулся и сказал:

– Не обижайся, но я всё слышал. Я не обижаюсь на тебя...

Пётр обрадовался, обнялся с Алексашей, а потом взял его на руки и отнёс к придворному лекарю. Тот вынул пулю, и месяц Алексаша лежал, а Пётр ухаживал за ним. Когда об этом узнал Соколовский, то воскликнул:

– Нет, это – настоящая дружба, её нельзя разрушить!

И признался в подделке письма и клевете на Алексашу. Пётр так был рад, что Алексаша выздоровел и они с Алексашей снова братья, что на радостях простил Соколовского.

А когда Алексаша выздоровел, они с Петром устроили пышные гуляния и благодарили Бога за то, что их дружба не разрушилась, а только окрепла.

... На гулянии Алексаша сел в повозку и позвал с собой

Петра, и они лихо промчались на тройке белых коней с весёлой песней:

«Колокольчик звенит под дугой...
Что ты грустишь, братик мой дорогой?
Сядем в сани и помчимся,
Увезу тебя веселиться,
Мы помчимся лихо,
Не тоскуй, мой милый...
Прижмись ко мне, братишка –
Светлоголовый мальчишка.
Назову тебя ласково,
Пальцы унизую перстнями яркими,
Сядем рядышком близко – близенько...
Стал покладистым гонористенький...
Колокольчик звенит под дугой,
Я так рад, что ты со мной, братик дорогой...»

Царевич Алексей

...А той порой исполнялось царевичу Алексею Петровичу двадцать восемь лет, и Пётр задумал своего сына женить.

Пётр и Алексей шли мимо Петропавловской крепости, когда Пётр сообщил ему об этом.

– Батюшка, ну зачем мне эта женитьба? – возмутился Алексей.

– А тебе ничего не надо! Газету мою ты обсмеял, в воен-

ных действиях участвовать не хочешь, я, вообще, не знаю, тебе хоть что-то от этой жизни нужно?! – тут Пётр заметил, что Алексей выцарапывает на стене Петропавловской крепости слово « рок» – И перестань выцарапывать всякую ерунду, слушай, что я тебе говорю!

Невестой сыну Пётр выбрал принцессу Австрии Шарлотту.

Её привезли в Санкт-Петербург, переодели в русский костюм и представили на смотрины Петра и Алексаши.

– Хороша девушка, неплохой женой моему крестнику будет, только худая... – сказал Алексаша.

– Обычная девчонка, просто в корсете... – махнул рукой Пётр.

... А вечером была свадьба Алексея и Шарлотты. Алексей стоял мрачный и не танцевал.

– Его высочество решили подпирать стенку! – смеялись светские барышни.

– Алексеюшка, чего не танцуешь? – спросил Алексаша.

– Я не пью... – с таким же недовольным видом ответил Алексей.

– Я тоже не пью, но это не мешает мне веселиться... – посмеялся Алексаша и пустился в пляс с Дарьей.

Алексей сел рядом со своими друзьями: Вяземским, Кикиным и Игнатьевым.

– Не это – не красавица, я тебя со своей крепостной деви-

цей Ефросиньей сведу, вот та – красавица! – сказал Вяземский.

... Ночью Алексей готовился ко сну, когда его позвал Вяземский.

Они сели в карету и приехали в усадьбу Вяземского. Только Алексей вышел из кареты, им на встречу вышла женщина. Алексей посмотрел на неё и затаил дыхание: она была похожа больше на прекрасное видение, чем на живую женщину. Алексея поразили её раскосые огромные чёрные глаза, как у эльфы, пышная грива волос огненного цвета, ровные черты лица, словно нарисованные дуги бровей, алые губы, женственная фигура.

Эту ночь Алексей провёл в усадьбе Вяземского. За интим Алексей подарил Ефросинье перстень.

– Продай мне её! – на утро попросил Алексей.

– Что, понравилась? – ухмыльнулся Вяземский.

– Очень! – воскликнул Алексей.

Вяземский продал её, но за большую цену. Алексей не поспешил.

Алексей стал одевать богато Ефросинью, проводить с ней много времени, Шарлотта стала ревновать, жаловаться Петру, Пётр выговаривал Алексею, молодой царевич сердился. Но скоро Шарлотта погибла в родах, когда хотела подарить Алексею сына (до этого Шарлотта уже родила дочь Наталью). Нашлись другие причины для конфликта Петра с сыном.

Алексей терпеть не мог мачеху Екатерину, не хотел участ-

вовать в реформах Петра, за что опять получал выговоры от отца.

А когда Алексей обидел Алексашу, то сын и отец разругались в пух и прах. А ещё Алексей обижался на отца за то, что он так обошёлся с Евдокией Лопухиной. Так пропасть между Алексеем и Петром увеличивалась...

А однажды Пётр ждал Алексашу с исповеди, когда услышал за соседней стенкой, что на исповеди говорил царевич Алексей своему духовнику Игнатьеву:

– Я ненавижу своего отца...

– Да простит тебя Бог, мы все ненавидим Петра... – ответил Игнатьев.

Петра словно кипятком облили, он влетел в комнату и дал Алексею пощёчину с криком:

– Я для тебя всё, я же тебя люблю, а ты так со мной!

– А ты подслушивал! – возмутился Алексей.

После этого наследником Пётр объявил своего сына Петра второго от Екатерины.

– А я тогда кто?! – неприятно удивился Алексей.

Когда Шарлотты не стало, Алексей просил руки и сердца Ефросиньи, но она выставила условие:

– Я стану твоей женой только, если ты станешь царём!

Алексей расстроился, но решил посоветоваться с Кикиным. Тот сказал:

– Ваше высочество, вам не обязательно идти войной против отца, вам нужно сбежать с вашей женщиной за грани-

цу и изображать из себя противника петровских реформ и злостного заговорщика против царя. Так вы протяните время и будете с вашей возлюбленной, а я всё приготовлю для побега...

Следующей ночью Алексей, Ефросинья, Игнатьев, Кикин и Вяземский сели на корабль и скоро были далеко от России...

– Ваше высочество, выйдите из каюты, произнесите речь, подтвердите свой настрой воевать с Петром... – посоветовал Вяземский.

Алексей вышел на палубу, все устремили на него взгляды. Сначала Алексей стушевался, но потом вдохновение озарило его, и полились сами речи о том, что он давно не поддерживает отца, хочет сам встать на престол и вернуть старые порядки. А Игнатьев смотрел долго на Алексея и вдруг задумчиво произнёс:

– Ваше высочество, а ведь по тени на луне я вижу, что вы будете несчастливым человеком...

– Не знаю, но обратной дороги после этой речи мне нет... – ответил Алексей.

Алексей закончил речь и спустился в кают-компанию.

– Кого я обманываю?! Я ведь не смогу сделать того, что пообещал! Я же только изображаю заговорщика!

– Уверены, что изображаете, а не являетесь, Ваше высо-

чество? – вдруг с лукавым выражением лица спросил Вяземский и подвёл Алексея к зеркалу.

– Кого вы там видите?

– Просто человека по имени Алексей...

– А я вижу царя и самодержавца всея Руси Алексея Петровича! – сказал Вяземский.

Алексей выпрямился и совсем по-другому взглянул на себя, ему понравились слова Вяземского...

Скоро Алексею и его приближённым предоставил убежище австрийский король, который в это время враждовал с Петром...

...Алексей прибыл в крепость, в которой собирался скрываться. Только карета заехала, на встречу Алексею вышел комендант крепости: граф Шёрберн.

– Проходите, проходите, Ваше высочество! Столько гостей, я так рад! – с притворной приветливостью сказал граф.

Тут ворота закрыли, и Алексею стало как-то не по себе...

... Когда Пётр узнал, что Алексей убежал во враждебную России страну, то так был огорчён предательством Алексея, что слёг.

Алексаша очень волновался: обыкновенно, Алексаша был младшим, слабеньким и часто болел, а тут настал черёд и Алексаше поухаживать за Петром. А потом в руки шпионов Петра попали письма Алексея к правителям других стран. Когда Пётр прочитал в этих письмах слова: «Я хочу встать

сам на престол, я против реформ отца», «Отец, говорят, болен, и я надеюсь, что он скоро Богу душу отдаст», Петру, словно нож в душу вставили, он заплакал и не мог эту ночь уснуть. Ночью они разговаривали с Алексашей, Алексаша утешал Петра, и к утру Пётр всё-таки уснул.

А Алексаша сел у окна и долго смотрел на купола церкви с мыслью:

«Боже, за что такое наказание моему братику?»...

И вспомнил куплет из старой песни:

«Золотые купола – немые свидетели,

Золотые купола – вы всё сами видели,

Скажите мне, золотые купола,

В чём я виноватый...»

... А тем временем Алексей тоже смотрел в окно и думал:

«Ох, грех на себя беру, что против отца иду, но Ефросинья... хоть какое-то время с ней побуду. Я так её люблю!.. Ради неё я на всё готов!..».

И по просьбе Ефросиньи Алексей говорил австрийскому королю, что собирает армию против Петра, писал о помощи в этом деле Карлу двенадцатому и другим королям. Шпионы графа Толстого доставали эти письма, и их содержание обжигало сердце Петра.

Все во дворце внушали Петру, что его сын – предатель. Пётр, обыкновенно ни с кем не считавшийся и всегда имеющий своё мнение, растерялся.

– Алексаша, я написал письмо Алексею, отвези... – попросил Пётр

– Конечно...

Когда Алексаша приехал в Австрию, Алексей встретил его неприветливо.

– Отец просит, чтобы ты вернулся домой... – сказал Алексаша.

– Александр Данилович, я не вернусь! И не ездите ко мне больше! – поджав губы, ответил Алексей.

– Отольются тебе отцовские слёзы! – обиделся Алексаша. Алексей только ещё крепче сжал губы и опустил голову...

... Алексаша как можно скорее приехал к Петру, но не знал, как сказать о такой реакции Алексея...

Пётр спал, а замученный Алексаша со слезами на глазах смотрел на постаревшего болеющего Петра и жалел названного брата.

Тут в комнату заглянул Толстой и съязвил:

– Александр Данилович, не изображайте сочувствие, его величество всё равно не видит!

– А вы, оказывается, жестокий человек... – ответил устало Алексаша.

... Время шло, Алексей всё больше врал, путался в своём вранье и уже начинал верить в то, что он – предатель. Всё чаще беспокоился Пётр и хотел, чтобы Алексей вернулся до-

мой. Пётр написал новое письмо, в котором просил Алексея возвратиться в Россию и обещал, что не будет его судить.

Снова Алексаша помчался с письмом в Австрию.

В этот раз до Алексея его даже не допустили. Тогда Алексаша отдал перстень графу Шёрберну, чтобы тот провёл его к Алексею.

Алексей продемонстрировал, что не очень рад Алексаше. Бедному Алексаше ничего не оставалось, как с горечью в душе передать письмо и уехать.

Алексей ушёл в свою комнату и распечатал письмо.

... Алексей читал письмо, и слёзы капали на бумагу.

Слова отцовской любви и прощения так тронули душу Алексея, что тот плакал, сжигая это письмо...

– Батюшка, прости меня, я уже столько наворотил, что мне нет дороги обратно! Я – иглы в твоём лавровом венце! Я не хотел, чтобы тебе было плохо, просто я хотел счастья, но, видно, на чужом горе счастья не построишь! Я желаю тебе, папочка, всего самого лучшего! У тебя будут ещё сыновья, более послушные, красивые, способные, чем я, а я... я – отрезанный ломоть, я недостоин твоей снисходительности! – говорил Алексей, обжигая руки и рыдая...

...Алексей письмо сжигает,

Он о прощенье не мечтает:

Уж слишком много натворил...

Слёзы текут, читать письмо нет сил,
Отец вернуться домой просил,
Но Алексей твёрдо решил,
Что домой нельзя возвращаться,
За счастьем Алексей за границу умчался,
Здесь он совершенно заврался,
Предателем родины стал он считаться,
Но отец написал, что давно простил,
И душу Алексея разбередил...

Алексей тонкие губы сжал,
А потом сквозь слёзы такие слова сказал:

«Эх, отец, люблю я тебя, как себя,
Но рядом быть нам уже нельзя,
Ты прости своего непутёвого сына,
Будут у тебя ещё сыновья,
Будут радовать они тебя,
А я... я терний в твоём венце,
Прости, что несчастья приношу я тебе...»

... Тут зашла Ефросинья и спросила:

– Что ты сжигаешь? И почему у тебя красные глаза?

Алексей ничего не ответил. Ефросинья и так догадалась,
от кого было письмо.

– Ну, ты решал уже, с кем ты – с отцом или со мной! –
заявила Ефросинья.

– Конечно с тобой, когда я стану царём, вся Россия будет
твоя... – ответил Алексей, и он стал из-за лжи противен сам

себе...

А тем временем Пётр рвёт и мечет: как вернуть сына, скоро война с Австрией, а они могут манипулировать Петром с помощью Алексея.

– Ваше величество, я знаю, как вернуть Алексея, только мне нужны деньги, очень много денег! – заявил Толстой.

...Пётр был согласен на всё и дал Толстому баснословную сумму.

(Алексаша ругается на Толстого)

– Поздравляю с новым вероломством! Конечно, я тоже ихожу, чтобы Алексей вернулся, но если ты будешь настраивать Петра против Алексея, я тебе такую жизнь устрою! – сказал Алексаша Толстому и погрозил кулаком.

Толстой только посмеялся.

Толстой часть денег забрал себе «за хорошую службу», а часть дал Шёрберну за то, чтобы тот сказал, яко бы по секрету, Алексею, что Алексея хотят выслать из Австрии в Россию.

Когда Шёрберн выполнил уговор, Алексей возмутился, испугался такого позора и решил ехать в Россию добровольно.

– Собирайся, дорогая, мы с нашим малышом (а к тому времени у Ефросиньи и Алексея был ребёнок) едем в Россию! – в спешке собирая вещи, сообщил Ефросинье Алек-

сей.

– Скажи, а с чего бы мне за тобой ехать? Ты в России кто? Предатель! А я не хочу, чтобы мой ребёнок рос в Сибири! – ответила Ефросинья.

Алексей округлил глаза, сел, какое-то время в замешательстве молчал, а потом с поникшим видом пробурчал:

– Как не едешь? Значит, ты предаёшь меня? А ради тебя такого наделал! Ну, что ж, Бог тебе судья, прощай!

... Чем ближе подъезжала карета, тем бойчее стучали колёса, а им в унисон быстрее стучало сердце от волнения: спустя столько времени отца и сына ждала новая встреча...

(разговор Алексея и Петра)

... Карета подъехала к Петергофскому дворцу Монпле-зир, Алексея встретил Алексаша, провёл в комнату и оставил со словами:

– Пётр хочет поговорить с тобой, не перечь отцу...

Алексей зашёл в соседнюю комнату и увидел отца, дремлющего в кресле.

Алексей посмотрел на него, и сердце сжалось: отец сильно постарел и выглядел очень болезненно.

– Бедный папа... и всё из-за меня... – прошептал Алексей и хотел уйти, но тут неосторожно наступил на пол, половица скрипнула, и Пётр проснулся.

– Сынок, подойди ко мне... – позвал Пётр сына.

Алексей опустил голову, подошёл к Петру. Пётр хотел по-

править чёрные пряди Алексея, но Алексей отодвинул руку отца.

– Зазря ты так, я скучал... – сказал Пётр.

– Не волнуйтесь, батюшка, я слышал, вы болеете, вам нельзя волноваться... – Отведя взгляд, ответил Алексей.

– Говоришь, нельзя волноваться, а сам так нервы мотаешь! Скажи, кто тебе организовал побег, под чью диктовку ты писал письма, и я прощу тебя, хотя ты тоже во многом виноват... – упрекнул Пётр сына.

Алексей не захотел никого выдавать и, поджав губы, пробурчал:

– Никто мне не помогал. Обвиняй меня одного...

Пётр, как кошка, расширил глаза, отпрянул от Алексея и закричал:

– Значит, ты действительно, против меня?

– Да, я предал тебя, суди же меня, не строй из себя ангела всепрощения, я сделал тебе больно, дай мне сдачи! – гордо задрал голову, пряча слёзы, запротестовал Алексей.

Пётр взялся за голову и прошептал в отчаянии:

– Что же ты наделал, сынок! Что же ты наделал! – А потом приказал – Отведите Алексея в камеру Петропавловской крепости!

...Алексея вели в камеру мимо окон дворца, и Алексей увидел в окно, как отец склонился на плечо Алексаши...

...А шёл проливной дождь, словно плакал об отце и сыне, а Алексей смотрел в окно, жалел Петра и мечтал оказаться

на месте Алексаши...

Скоро Алексея привели в Петропавловскую крепость, тут Алексей увидел на стене свою надпись «рок» и с горечью подумал:

«Да, пророческое слово, недаром мне Игнатъев сказал, что я несчастливым буду...».

Когда Алексея привели в камеру, тот стал разбирать свои вещи и нащупал на дне сундучка что-то странное. Он вытащил и этот предмет оказался корабликом, который в детстве подарил Пётр Алексею. Алексей повертел кораблик в руках и почитал надпись:

«Любимому сыночку Алексею от папы. Помни, как звёзды вечна наша любовь...».

Сердце Алексея защемило, он прижал кораблик, заплакал и воскликнул:

– Неужели нет ничего вечного?! Нет, есть! Любовь вечна, ведь я до сих пор люблю отца... и Ефросинью...

... А на следующий день был суд над царевичем Алексеем...

Алексей стоял, как водой облитый, когда Кикин и Вяземский говорили на перебой, что во всём виноват Алексей.

– Па... ой, извините, ваше величество, да кого вы слушаете! – оправдывался Алексей.

У Петра заблестели глаза, он рывком встал, взял с полки библию, поднёс к Алексею и громко сказал:

– Если поклянёшься, что не желал мне гибели, всё прощу!

Алексей положил дрожащую руку на библию, закрыл глаза...

... Тут нахлынули воспоминания...

А вокруг все просили:

– Поклянись!

– Нет, не могу... – с горечью сказал Алексей и убрал руку

с библии.

У Петра перекосилось лицо...

...Алексей закрыл глаза руками...

– Я так и знал! – с торжеством заявил Толстой.

– Молчи! – закричал на него Пётр.

В зале воцарилась тишина.

Но скоро суд продолжили.

– Царевич Алексей Петрович объявляется предателем

Родины, недостойным унаследовать престол, поэтому суд требует, чтобы он отказался официально от престолонаследия! – зачитал документ Толстой.

Алексее поднесли отказ от престолонаследия на подпись.

Алексей подписал, достал шпагу и направился к ложе, где сидели Пётр, Екатерина и их сын. Пётр испугался, заслонил жену и ребёнка, а Алексей подошёл к Петру, надел документ на остриё шпаги и воткнул в пол прямо у ног Петра.

Потом, в знак позора, над головой Алексея сломали шпагу. В этот момент Алексей склонил голову от стыда.

«Я не буду оправдываться, будь, что будет, я это заслужил...» – подумал Алексей.

...В этот день суд ничего не решил и на следующий день снова собрались, чтобы вынести вердикт.

Пётр был не готов к этому, но не хотел, чтобы кто-либо это видел, поэтому перед со слезами на глазах бросил расчёску на пол и сказал Алексаше:

– Одень и причеши меня! Я не хочу, чтобы кто-то видел, как мне плохо!

Второй день суда был так же мучителен для обоих, но вердикт Алексею вынесли довольно мягкий: пострижение в монастырь без прав выходить за стены монастыря.

Гораздо суровой Пётр поступил с Кикиным, Вяземским и Игнатьевым: сослал их Сибирь.

«Зачем мне жить, если я никому не нужен?» – с кручиной на сердце подумал Алексей...

... Алексей сильно перенервничал, здоровье его со дня на день ухудшалось, а перевозить из Петропавловской крепости его не торопились...

... и вот однажды вечером Алексей увидел на нарах кровь и понял, что время его прошло.

Он схватился за перо и бумагу и решил написать прощальное письмо отцу:

« Папочка (я так тебя давно не называл папой, что мне захотелось тебя так назвать), прости меня и не огорчайся, всё

равно я никому не нужен, те, кого я любил, предали меня, а ты никогда меня назад не примешь, хотя, я это чувствовал всю жизнь, любишь меня. Я тоже тебя очень люблю, но я много натворил из-за одного человека и недостоин твоего прощения и реабилитации в России...

Я не хочу, чтобы ты плакал обо мне, я желаю тебе счастья, молись о своём недостойном сыне.

Алексей»

Скоро Алексей скончался от кровотечения...

... Поздно вечером гонец прибыл во дворец. Пётр уже спал, а Алексаша сидел в гостиной и пил кофе, когда на него наткнулся гонец.

– Что случилось? – спросил недовольный Алексаша

– Ваша светлость, скончался Алексей! У него нашли прощальное письмо к его величеству. Сообщить его величеству? – промолвил гонец.

– Не надо, я сам, дайте мне письмо, вы можете быть свободны... – со тоном в душе прошептал Алексаша.

Алексаша облокотился на стол, и слёзы потекли из его глаз, душа заболела.

«Бедный мой крестник, я буду за тебя молиться!» – подумал Алексаша.

Алексаша поднялся в комнату Петра.

– Кто приезжал? – поинтересовался Пётр.

– Гонец из Петропавловской крепости... – нехотя ответил Алексаша

Пётр напрягся:

– Что-то случилось с Алексеем?!

У Алексаши ручьём потекли слёзы, он обнял Петра и не переставая плакать, сказал:

– Алексеюшки не стало, он передавал тебе письмо...

Пётр скривил губы, закрыл глаза рукой и взялся читать письмо...

Вся душа Петра перевернулась, он зарыдал.

– О, Боже, прости и прими моего сыночка! – воскликнул Пётр, и они с Алексашей взялись за руки и склонили головы...

...После этого Пётр долго болел, но Алексаша выходил его. Правда, Пётр пережил Алексея только на семь лет. Недолго прожил и наследник Петра – сын Петра и Екатерины. Алексаша стал верующим человеком и молился об Алексее. Толстого Пётр сослал в Сибирь. Так закончилась история с Алексеем...

Пётр и Алексаша все эти семь лет вместе достраивали Петербург, закончили войну, реформы, Пётр стал императором, государственные дела шли своей чередой, казалось, так будет всегда...

...Но вот однажды в ноябре Пётр плыл без Алексаши на корабле по Балтийскому морю, когда увидел тонущий корабль. Пётр, не задумываясь, бросился спасать людей и пробыл в холодной воде весь день. После этого Пётр серьёзно

заболел. Алексаша созывал лучших докторов, но здоровье Петра ухудшалось на глазах. Скоро все во дворце, кроме Алексаша, думали, кто после Петра встанет на престол. Но Алексаша до последнего верил, что Пётр выживет.

– Алексаша, я не знаю, кто встанет на престол после меня, но я верю, что ты закончишь то, что я не успел... – прошептал Алексаше Пётр.

– Нет! Нет! Ты ещё будешь жить долго! – замотал головой Алексаша.

...Скоро Пётр скончался, не оставив завещания...

Когда об этом сказали Алексаше, тот сжался от боли, сел на коня, уехал в поле и долго катался по полю, рыдая, его всего знобило от душевной боли...

...Так Алексаша не мог успокоиться несколько дней, а потом посмотрел на портрет Петра и сквозь зубы промолвил:

– Я постараюсь сделать всё, что от меня зависит, чтобы ты был доволен мной!

После ухода Петра Алексаша сильно постарел. Он смотрел на себя в зеркало, смотрел на лицо, которое когда-то восхищало Петра, на руки, что целовал Пётр и расстраивался...

...Только лазоревые глаза оставались прежними...

Фавор и опала

Но время шло, нужно было выбирать нового правителя, и

тогда Екатерина сговорила с Алексашей, что она даст ему свободу править, а он с помощью своей гвардии, которая была за него, возведёт её на престол. Так и случилось. Два года Екатерина танцевала на балах, а Алексаша правил страной. Но потом Екатерина заболела. Помня своё обещание Петру, Алексаша добился завещания, в котором указывалось, что новым правителем будет внук Петра, сын Шарлоты и Алексея Пётр второй, а регентом при нём будет Алексаша, а когда Пётр второй вырастет, то жениться на дочери Меншикова Марии.

Когда Екатерины не стало, Алексаша поехал за новым императором. Он знал, что Петру второму только четырнадцать лет, что он не очень умен и не очень красив, но не до такой степени!

Оказалось, что наследником никто не занимался: Пётр второй знал только несколько ругательств на татарском языке. Алексаша забрал его в свою усадьбу и приставил учителя: Графа Остермана. Но учёба не занимала Петра второго. Долгорукие давно хотели сместить Алексашу, занять место фаворитов и вернуть старые порядки, поэтому подговорили своего сына, пятнадцатилетнего Ивана Долгорукого, пригласить Петра второго на охоту. Петру второму очень понравилось это времяпровождение, и с тех пор Пётр второй только охотился и пил водку с Долгоруким. Это чуть не привело к международному скандалу: послы не могли увидеть импера-

тора. Но это ещё не всё. Однажды на охоте присутствовала семнадцатилетняя Елизавета Петровна. Пётр второй сначала долго на неё смотрел, она строила ему глазки, а когда они остались наедине, то Пётр второй чуть не порвал ей платье.

– Александр Данилович, его величество хотел меня обесчестить! Повлияйте на своего подопечного, чтобы он отстал от меня! – жаловалась Алексаше потом Елизавета.

– Конечно, ваше высочество, я поговорю с ним, такого больше не повторится! – оправдывал Петра второго Меншиков, а сам подумал:

«Так тебе и надо, нечего было хвостом крутить!».

Все свои претензии Алексаша изложил в письме к Петру второму:

«Его величеству Петру второму Алексеевичу от регента и наставника его светлости князя Меншикова.

Пётр Алексеевич, простите дерзость мою, но огорчён и разочарован я зело вашим поведением и денно, и ночью молюсь, чтобы вам Господь ума дал или хотя бы, на худой конец, добрый нрав, ибо хуже жидкого умка может быть только каменное сердце!.. Ну, объясните мне, Пётр Алексеевич, зачем вы положили учителю вашему, графу Остерману, на стол лягушку? Почему вы не посещаете уроков? Не слишком ли трудна для вас программа? Я смею просить объяснения такому поведению! Где вы попадаете по средам и пятницам? С кем вы водитесь?! Это уму непостижимо! В прошлую пятницу после охоты и бала у князей Долгоруковых, я

и мой врач приводили вас в достойный вид два дня! Я тоже молодым веселился в Кукуево, но не до такой же степени! Вам всего 14 лет, вы губите своё здоровье, а вам ещё править страной! А у вас, извините, я не только ответственности за страну не вижу, но и вообще каких-либо разумных действий. Надеюсь, выы возьмётесь за ум.

P.S. Не надейтесь, больше к Долгоруковым не поедите! И вообще гоните Ивана Долгорукова в шею!

P.S.S. С Елизаветой Петровной вам всё равно никто обвенчаться не позволит, так что забудьте о ней.»

Снова привезли Петра второго пьяным. Алексаша выхаживал его два дня, на третий день Пётр второй очнулся:

– Ммм... Где я? Почему у меня болит голова? И почему я ничего не помню?

– Будешь так напиваться, вообще ум пропьёшь! – стал ворчать на него Алексаша – К Долгоруким больше не поедешь! Давай, вставай и приводи себя в порядок, тебе ещё перед Елизаветой Петровной извиняться!

– А что я такого натворил?

– Спроси у неё!

Алексаша решил женить Петра второго на своей дочери Марии, но когда он познакомил молодых, они испугались друг друга.

– Поговорите вместе, ох, молодёжь! – сказал Алексаша и

оставил Петра второго и Марию вместе. Те быстро разбежались по своим комнатам. А на следующий день Пётр второй снова отправился на охоту и снова любовался Елизаветой Петровной...

Былая любовь к Лизе вспыхнула в Петре втором с новой силой, и он решился написать ей письмо, в котором объяснялся ей в любви и назначал свидание поздно вечером в охотничьем домике.

...Когда Пётр второй пришёл в охотничий домик, Лиза Петровна стояла у окна спиной к нему.

– Ваше величество, я пришла сказать, что между нами ничего не может быть и если вы, как на той охоте, позволите себе что-то лишнее, я буду защищаться! – сказала Лиза.

Пётр второй взял её за локоть и увидел в её руках ножик.

Он встал перед ней на колени и попросил:

– Тогда лучше убей меня, потому что вместе нам быть нельзя, но я люблю тебя больше жизни!

Сердце Лизы растопилось, она бросила ножик, кинулась в объятия Петра второго и с горечью прошептала:

– Что же мы сейчас с тобой наделаем!

...Эту ночь они провели вдвоём...

А уже на следующее утро Лиза подошла к Петру второму с каким-то гренадёром и сказала:

– Ваше величество, благословите наш брак!

Пётр второй вскипел:

– Знаешь что, Лизка, шла бы ты за благословением к своему Меньшикову!

После Лиза долго выговаривала Алексахе, что у его воспитанника дурное поведение.

«Сама без совести, а потом ещё возмущается!» – подумал Алексаха, но ничего не сказал.

Затем вечером Алексаха серьёзно говорил с Петром вторым:

– Ты ведь понимаешь, что вы – кровная родня, не одна церковь вас не повенчает...

– Мы будем жить так...

– Ты понимаешь, что вам нельзя иметь с ней детей...

– А мы будем без детей...

– Ну и нужны ей такие отношения?

Пётр второй опустил взгляд...

– Вот то-то! Думай, перед тем, как сказать, или сделать! Моя дочь Мария будет тебе прекрасной женой, и ты забудешь Лизу!

Пётр второй отвернулся и подумал:

«Никто меня не понимает, один я на этом белом свете!».

...Некоторое время Пётр второй вёл себя хорошо, но тут Алексаха заболел, и Пётр второй перебрался к Долгоруким.

... Алексаха шёл по пустому коридору, открывая одну дверь за другой, смотрел в окна, и горько было ему на душе, что прошёл петровский век, настал новый век, век в котором

ему, Алексаше, места не было...

Так Долгорукие с помощью клеветы на Алексашу перема-
нили Петра второго на свою сторону.

– И что ты слушаешь этого старика Алексашку? Сослал
бы его в Сибирь и жил бы, как хотел! – говорил Иван Дол-
горукий.

Когда Алексаша выздоровел и возвёл в честь этого цер-
ковь, Пётр второй не пришёл на её открытие, а потом Дол-
горукий подсказал Петру второму:

– Создай такую ситуацию, чтобы Меншиков не мог вы-
полнить твой приказ и сошли его за неповиновение импера-
тору!

Пётр второй быстро использовал совет и придумал такую
ситуацию: он приказал сжечь Кронштадт с людьми.

– Да ты что, ум пропил?! – возмутился Алексаша.

Петру второму это только и было нужно.

– Вот вы и понесёте первый факел! – ответил Пётр второй.

И вот день исполнения приказа. Алексаша поднёс фа-
кел...

... И опустил его в воду!..

Все поступили точно так же.

– Молодец князь Меншиков! – говорили вокруг...

...Только на следующий же день к дворцу Меншикова
прибыла чёрная карета и солдаты арестовали и отправили в
Сибирь всю Алексашину семью...

Алексаша был абсолютно спокоен: он сделал всё, что мог.

По дороге погибла Дарья. В Сибири Алексаша построил домик и часовенку.

Через месяц жизни в Сибири Алексаша, исповедавшись и причастившись с мыслью, что в раю встретиться с названным братиком, с улыбкой на лице ушёл из жизни...

Скоро в мир иной, тяжело страдая, от чёрной оспы ушёл и сам Пётр второй...

Марию реабилитировала следующая правительница Анна Иоанновна, и Мария вышла замуж по любви за французского лорда Мишеля.

...А Пётр первый с Алексашей по сей день сидят в раю и пьют чай с манной небесной и радостно им на душе.